

Александр Михайловский
Юлия Маркова

АЛЛЕГРО НА БАЛКАНАХ

НИКТО КРОМЕ НАС - 8

Никто кроме нас

Александр Михайловский

Аллегро на Балканах

«Александр Михайловский и Юлия Маркова»

2021

Михайловский А. Б.

Аллегро на Балканах / А. Б. Михайловский — «Александр Михайловский и Юлия Маркова», 2021 — (Никто кроме нас)

Российская империя усиленно готовится к уже близкой мировой войне. У достроечных стенок верфей стоят новейшие линкоры, армия в ускоренном темпе тренируется перед будущими сражениями, но самое главное императрице Ольге удалось сформировать новое издание Антанты, основанное не на путанице двухсторонних соглашений, а одном многостороннем договоре, в котором четко оговорены зоны ответственности сторон. В этот раз Российская армия будет действовать строго в соответствии с довоенными планами и исходя исключительно из собственных интересов, а вопрос Черноморских Проливов должен быть решен еще задолго до того, как на европейских полях загрохочут пушки. При этом четкий и стройный план уже как минимум один раз оказался грубо нарушен и пока никто не знает, к добру окажется это нарушение или нет. Уходя в вынужденную отставку, болгарский князь Фердинанд, отрекается не только за себя, но и за всех своих детей, и на болгарский престол, после некоторых пертурбаций выбирают мужа сербской принцессы Елены (почти королевы) Михаила Александровича Романова, по совместительству любимого брата русской императрицы. Это решение болгарских депутатов-электоров равносильно ведру керосина, щедро вылитого на тлеющие угли балканской политики.

© Михайловский А. Б., 2021

© Александр Михайловский и Юлия
Маркова, 2021

Содержание

Часть 29. Болгарский вопрос	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Михайловский, Юлия Маркова

Аллегро на Балканах

Часть 29. Болгарский вопрос

18 июля 1907 года, 11:15. Санкт-Петербургская губерния, Гатчина, Большой дворец, рабочий кабинет Канцлера Российской Империи.

Получив последние известия из Болгарии, Павел Павлович Одинцов немедленно собрал на совещание Малый Совет. Помимо самого канцлера Империи и императрицы Ольги, в кабинете в Большом Гатчинском дворце присутствовали: князь-консорт Новиков, полковник Мартынов, первая статс-дама Дарья Одинцова, а также (с правом совещательного голоса) сербский принц Георгий Карагеоргиевич. Прочие особы приближенные к престолу, находились в это время в отъезде: Великий князь Михаил – в Сербии, полковник Баев – в Болгарии, вице-адмирал Карпенко и адмирал Макаров – на Мурмане. Мнение моряков по обсуждаемому вопросу в отношении важности Черноморских проливов, конечно, имеет значение, но только спросят его как-нибудь в другой раз.

– Итак, свершилось, – сказал канцлер. – Великое Народное Собрание Болгарии постановило звать на княжение Михаила Александровича Романова, внука царя-Освободителя и брата правящей русской императрицы. И австрийская партия, жаждавшая возвращения на трон Фердинанда Саксен-Кобург-Готского, и германская, голосовавшая за приглашение Августа Гогенцоллерна, остались в глубоком меньшинстве. Соседи Болгарии, ближние и дальние, за исключением дружественной нам Сербии, воспримут это избрание по-разному: кто как камень в свой огород, а кто и как звонкую пощечину по наглой морде лица.

– В первую очередь моему брату следует объявить о независимости Болгарии от Османской империи, – сказала императрица, – ибо монарху из рода Романовых неместно быть зависимым от турецкого султана.

– Вот это я и имел в виду, – сказал канцлер Одинцов, – пощечина султану у болгар получилась просто выдающаяся. Также на свой счет должен принять такое решение Великого Народного Собрания император Франц-Иосиф, и даже германский кайзер Вильгельм. Хотя последнему было бы пристойнее делать в этой ситуации непроницаемое лицо, ибо его сына на эти выборы позвали только ради компании.

– В любом случае, среди тех, кого избрание Михаила на болгарский трон задело больше всего, исключительно наши противники по будущей мировой войне, – сказал князь-консорт, – в то время как Италию, или там Францию с Великобританией сложившееся положение никак не задевает.

– Вот тут вы, Александр Владимирович, неправы, – сказал полковник Мартынов, – в то время как в Великобритании от предыдущего царствования наблюдаются только остаточные явления, Франция, даже вступив с Россией в союзнические отношения, все равно осталась глубоко враждебной нам державой. К любому российскому успеху там относятся крайне ревниво, и в последнее время мы отмечаем усиление активности французских разведслужб как раз на российском направлении. Большинство наших беглых аристократов осели как раз во Франции, и агентура Третьей Республики пытается использовать их связи. Идеальным результатом, с их точки зрения, был бы такой исход предстоящей войны, при котором Германия была бы полностью уничтожена, а Россия сильно ослабела и подпала под политическое влияние Парижа. При этом даже у самых буйных французских оптимистов нет никакого сомнения, что при нынешнем царствовании их мечты недостижимы. Они были недостижимы даже в царствование вашего брата...

– Насколько я помню, – заледеневшим голосом произнесла императрица, – именно по этой причине в вашем мире мусью устроили моему брату так называемую Февральскую революцию?

– Да, как раз по этой, – подтвердил канцлер Одинцов, – и главным их орудием была крупная буржуазия, изрядно нажившаяся на войне и возжелавшая, помимо барышей, еще и всей полноты политической власти. Ничем хорошим это не кончилось, а потом к власти пришли большевики и погнали всю эту публику ссаными тряпками.

– Большевики – это вопрос особый, и обсуждаться должен отдельно, – уже гораздо спокойнее сказала императрица. – Если со мной, моим сыном и братом Михаилом что-нибудь случится, то я бы хотела, чтобы наследовали нам не кто-то из наших родственничков, а господин Джугашвили и ему подобные. При них Россия будет в надежных руках. Павел Павлович, подумайте о том, как это можно устроить – например, в форме бессрочного регентства.

Пришельцы из будущего переглянулись, и первой заговорила первая статс-дама.

– Я думаю, – сказала Дарья Одинцова, – что необходимо совершенно открыто назначить господина Джугашвили регентом на случай если пресекутся линии исходящие от государыни Ольги и ее брата Михаила. И в то же время необходимо просветить всех заинтересованных лиц о той сути, которая скрывается за неброской внешностью этого чудесного грузина, тогда они с государыни пылинки сдувать будут.

– А не получится ли так, что мы просто подставим нашего друга Сосо под уничтожающий удар наших врагов? – спросил князь-консорт Новиков. – Убить его гораздо проще, чем любого из нас, ведь он не член правящей семьи и не имеет персональной охраны. А как только он умрет, наши враги сразу вернутся к своему первоначальному замыслу. Так что, Дарья Михайловна, я против такого плана. Если кто из власть имущих в Европе или Америке планирует устранение правящей верхушки России, то эти людям следует дать понять, что и они тоже смертны. И начать, по моему мнению, следует с австрийского императора Франца-Иосифа...

– А почему именно с него, Сашка? – спросила императрица.

– А потому, Оля, что, в отличие от твоего дядюшки Берти, он был полностью посвящен в план господина Эренталя и дал на него свое добро, – ответил ей супруг. – Прощать такое нельзя, и выкорчевывать всех причастных необходимо с корнем. Евгений Петрович, у вас уже получилось что-нибудь нащупать в этом направлении, или пока еще все глухо?

– Нащупать получилось, – подтвердил полковник Мартынов. – Мы смогли обнаружить одну террористическую группу, состоящую из сподвижников небезызвестного в нашем мире господина Пилсудского. Хотя не исключено, что это не более чем отвлекающий маневр, уж очень нагло и беспечно ведут себя паны.

– Наглость польской шляхты – явление вполне естественное, – со вздохом произнес канцлер Одинцов, – но и в самом деле в тени этого шумного цыганского табора может действовать значительно более опасная эсеровская боевка. С поимкой Савинкова и Азефа боевая организация отнюдь не закончилась, да и отмена черты оседлости не до конца лишила эсеров их мобилизационного потенциала...

– Что же вы предлагаете, Павел Павлович? – спросила императрица, прикусив губу. – Загнать эту публику обратно за черту и раз уж на нее не действует ни кнут, ни пряник, объявить их всех проклятым народом?

– Упаси нас Боже, государыня императрица, действовать подобными варварскими методами, – серьезно сказал канцлер Одинцов. – За колючую проволоку на пожизненные каторжные работы стоит отправлять только непримиримых врагов российской государственности, проводников идеи вседозволенности для богоизбранной нации, а с остальными следует поступать в рабочем порядке. К тем, кто нарушает законы Российской Империи, применять нормы уложения об уголовных наказаниях, а все остальные суть законопослушные ваши подданные, которые ничем не отличаются от других таких же подданных другой нации и веры.

Императрица в порыве чувств всплеснула руками и с нотками раздражения в голосе спросила:

– А что же, Павел Павлович, делать с теми, кто никаких законов не нарушает, но держит в кармане фигу и всячески злословит против государственного порядка?

– А ничего, – ответил канцлер, – если мы с вами будем хорошо делать свое дело, то народ сам будет поступать с этими в меру своего разума.

– Уже были случаи, когда таких вот злословящих «антилигентов» товарищи трудящиеся уже учили хорошим манерам тяжелыми кулаками, – сказал полковник Мартынов. – Жить стало лучше, жить стало веселее, последние два года и не голодовали, считай, нигде. Едва в какой губернии случается неурожай, как господин Коншин гонит туда эшелоны с хлебом из особого фонда, господин Столыпин – вербовщиков для ускорения переселенческой программы, а господин Кутлер форсирует в этой губернии программы оргнабора на стройки империи. Вас, Ольга Александровна в народе любят, просто обожают, и ваших преданных слуг тоже. Именно поэтому поддержка классических, если можно так сказать, революционеров потеряла для наших врагов всяческий смысл, и они снова обратились к идее царубийства.

– Все это понятно, – строго заметила императрица, – но рукоприкладство – не тот метод, который Мы могли бы одобрить. С морального облика результаты внушения кулаками сходят в те же сроки, что и синяки с морды. К тому же не все из этих персонажей лезут вглубь народной массы, где до них могут дотянуться мужицкие кулаки, большинство предпочитают общаться с народишком со страниц газет, выливая на них лохани грязных измышлений. Тут по-другому надо, господа, тоньше, и в то же самое время радикальнее...

– Российская империя не чинит препятствий своим подданным в их выезде за рубеж, – сказал канцлер Одинцов. – И если раньше уезжали инженеры и молодые дарования по научной части, не нашедшие применения в прежней России, то теперь от нас бегут гешефтмахи и либеральные журналисты, доносящие до европейской публики вопли о разгуле в России самой махровой реакции.

– К сожалению, Павел Павлович, эти люди уезжают недостаточно быстро, – со вздохом сказала императрица. – Может быть, на них как-нибудь поднажать?

– Не советую, – покачал тот головой, – полная зачистка информационного поля – не в наших интересах. Вместо этого мы должны сделать вранье этих господ очевидным – а значит, безвредным. Жизнь людей должна непрерывно улучшаться, а могущество державы – увеличиваться. Пока, насколько я понимаю, мы с вами справляемся с этой задачей достаточно хорошо, и именно потому Евгений Петрович прав: наши зарубежные оппоненты перешли к грубой игре.

– Хорошо, Павел Павлович, давайте не будем отклоняться от темы и поговорим о грубой игре, – быстро сказала императрица. – Насколько я понимаю, вы с Александром Владимировичем хотите от меня санкции на физическую ликвидацию австро-венгерского императора Франца-Иосифа? Мол, если старичка не станет, то наши проблемы решатся сами собой? А не получится ли так, что эта смерть спровоцирует обвальное течение событий и ввергнет нас во всеобщую войну задолго до намеченных всеми нами сроков и в гораздо худшей конфигурации, чем это могло быть в ином случае? Стоит ли смерть старого маразматика, которая не факт что приведет к снижению террористической угрозы, таких непомерных политических и стратегических издержек?

После этих слов все присутствующие в кабинете выходцы из будущего переглянулись, и слово взял опять же канцлер Одинцов.

– Если бы этого человека не стало по какой-нибудь абсолютно естественной причине, то многие из наших проблем действительно решились бы сами собой, – сказал он. – Но, насильственное его устранение без объявления войны и ведения боевых действий влечет за собой множество негативных последствий, которые никак не окупаются выигрышем от прекращения его существования. На нас окрысятся все, и в первую очередь потенциальный союзник в

стане врага – эрцгерцог Франц Фердинанд. Мы можем ударить как угодно близко по окружению старого маразматика, но ни в коем разе не должны задевать главную фигуру. Начальник Генштаба австро-венгерской армии генерал-полковник Франц Конрад фон Хётцендорф является маниакальным сторонником превентивной войны против Сербии, Черногории, и даже Италии. Министр иностранных дел Алоиз фон Эренталь предложил план по насильственному уничтожению правящей русской императрицы, а также всего ее окружения, и непосредственно контролирует его исполнение. Вот эти две фигуры являются законными целями для операции возмездия, а вот император Франц-Иосиф – нет.

– Вы, Павел Павлович, все поняли правильно, – благосклонно кивнула императрица, – к тому же присутствующий здесь Евгений Петрович, несомненно, обеспечит Нашу безопасность и безопасность наших приближенных. Было бы неплохо, если бы террористов, злоумышляющих против нашего Императорского Величества, не перестреляли при задержании, как это обычно бывает, а взяли живьем, чтобы устроить показательный процесс. Еще нашей разведке хорошо бы заполучить документы, свидетельствующие о подготовке царевубийства и изобличающие в этом деянии господина фон Эренталя, а также выяснить, кто из наших аристократов или промышленников продолжает поддерживать связи с потенциальным врагом. Все вышесказанное не обязательно, но крайне желательно для того, чтобы мы в своей вендетте внутри и вовне страны выглядели бы правой стороной, а наши жертвы нет.

– Будет сделано, государыня Ольга Александровна, – ответил полковник Мартынов, – есть у нас с Игорем Михайловичем канал, чтобы заполучить практически любые австрийские секретные документы, только надо знать, что украсть. Человек, который это делает, не идейный и работает под страхом разглашения некоторых деталей своей биографии, а потому сам инициативы не проявляет...

– Ну хорошо, Евгений Петрович, – сказала императрица, – полагаюсь на ваш профессионализм. А теперь давайте вернемся к тому, с чего наш разговор начался – к неизбежному уже утверждению моего брата на болгарском троне. Кто-нибудь желает высказаться именно по этому вопросу, а то в прошлый раз обсуждение сразу ушло в самые глубокие дебри?

– Если не углубляться в дебри, – сказал канцлер Одинцов, – то вы правильно заметили, что вашему брату первым делом придется провозглашать независимость от Турции, ибо по-другому ему невестно. Османская империя, хоть и изрядно одряхла за последнее время, но пока еще не дожила до свой младотурецкой революции, которой она беременна довольно давно. К тому же девять лет назад турецкие аскеры сумели вдребезги разгромить Грецию, чем подарили султану Абдул-Гамиду его последний триумф. В таких условиях внезапное нападение турецкой армии на болгарское княжество становится весьма вероятным, и сдерживать это желание у его султанского величества будет только понимание того факта, что за нападение на своего любимого брата вы разберете турецкое государство на запчасти, а самого Абдул-Гамида повесите на кривой осине.

– И разберу, и повешу, – кивнула императрица Ольга, – я такая. Но сейчас надо понять: турецкое нападение на Болгарию – оно пойдет нам во благо или во вред?

– Запас времени до основных событий в Европе – почти год, – сказал князь-консорт Новиков, – разбирать Турцию на запчасти можно тщательно и со вкусом. Вопрос только в том, чтобы не увязнуть в боях и не понести невосполнимых потерь, как это случилось в прошлую турецкую войну, когда сначала твой дед, Оля, имел шапкозакидательские настроения, а потом кое-как вытянул Сан-Стефанский договор. Случившийся после этой войны Берлинский конгресс и вовсе выкрутил твоему деду руки под угрозой противостояния с общеевропейской коалицией, заставив отказаться почти от всего, что было получено по итогам войны. И Абдул-Гамид, который был султаном еще тогда, об этом помнит. Главное, что меня беспокоит в складывающейся конфигурации – это такое государственное образование как Румыния. Чтобы прийти на выручку сражающейся Болгарии, нашим войскам придется пересечь румын-

скую территорию, и боюсь, что нация конокрадов, мнящая себя потомками римлян, встанет при этом на дыбы.

– Где встанет, Сашка, там и ляжет, – отрезала императрица, – я напишу своему брату Каролу письмо с резким предупреждением, что любое противление моей воле может стоить ему трона. Румыния – это еще одно место, где моему деду выкрутили руки, так что давно пора разложить там все на свои места. Армия, которую в ближайшие сроки необходимо сосредоточить в Бессарабии в летних лагерях, должна быть готова как мирно пройти через румынскую территорию, так и по ходу пьесы вдребезги разнести это трухлявое образование, прирезав часть ее территории к России, а часть к Болгарии. Кто там у нас сейчас командует Киевским округом?

– Генерал-лейтенант Сухомлинов, – скривившись как от кислого, ответил ее супруг, – господин по прозвищу «ни рыба, ни мясо», больше специалист по разным тыловым вопросам, чем боевой генерал. При этом доверчив, легкомыслен и шпионами обсижен будто мухами. Назначать его командующим фронтом просто страшно. Но при этом он сторонник превентивной войны с Турцией, ярый монархист и слуга престола, не уличенный ни в какой фрондерской деятельности.

– Одних монархических убеждений и верности трону для назначения командующим Бессарабской армией мало, – веско сказала императрица Ольга, – а теперь, Сашка, давай колись – я же просила тебя еще раз прошерстить наш генералитет. Ведь даже у моего несчастного брата австро-германский фронт не расплылся в одночасье – а значит, и у него имелись не только дураки и посредственности, но и талантливые генералы.

Князь-консорт достал из неизменной полевой сумки потертый блокнот и открыл его на одному ему приметной закладке.

– Значит, так, Оленька, – сказал он, – альтернативу нынешним балбесам и в самом деле можно подобрать среди генералов, не участвовавших в русско-японской войне, а значит, первоначально выпавших из нашего поля зрения. Но сначала – о стариках, которые в той войне участвовали. Фельдмаршалу Линевичу, после того, как его подлатали наши врачи, гарантируется пять-шесть лет жизни и активной службы – такой уж он неугомонный дед, а генералу Штапельбергу – и все двадцать. Что касается генерала Гриппенберга, то он не принимал участия в событиях нашей первой мировой войны в основном из-за интриг господина Куропаткина, свалившего на него свою вину за поражение в битве под Мукденом и вследствие контузии, которой у него в этом мире просто нет. Все трое – готовые командующие фронтом на тех направлениях, где от них потребуются вести активные наступательные действия. Но, за исключением фельдмаршала Линевича, два остальных командующих далеко не гении, и использовать их желательно на вспомогательных направлениях – например, для удара по турецким владениям через Персию, в то время как Николай Петрович (Линевич) возглавит Кавказский фронт на главном, Причерноморском направлении.

– Как я понимаю, Сашка, ты предполагаешь использовать всех троих против турок, причем там, где они никогда не смогут столкнуться с европейскими войсками... – сказала императрица. – Возможно, ты и прав, и после довольно-таки цивилизованных в промышленном и военном смысле японцев турки послужат этим троим отдохновением души и вызовут воспоминания о бурной юности. А теперь давай, рассказывай, есть ли у нас способные генералы, помимо пестуемой тобой совсем молодой поросли?

– Как оказалось, есть, – перелистнув блокнот, сказал князь-консорт. – Но начну с того, кто у нас служить уже не будет. Болгарский генерал на службе вашего величества Радко-Дмитриев будет служить вашему брату как князю и царю Болгарии, и это не обсуждается. Там он будет вполне себе на месте во всех смыслах. На роль командующего Бессарабской армией можно назначить либо генерала Павла Адамовича Плеве – в общем, моего единомышленника, бравого молодца и способного генерала, ныне командующего тринадцатым армейским кор-

пусом в Прибалтике, – либо широко известного в узких кругах генерала Реннекампа, по поводу благонадежности и талантов которого у нас с Павлом Павловичем имеются определенные сомнения. Какой-то он весь из себя вторичный.

– Ну раз по поводу Реннекампа имеются сомнения, – сказала императрица, – то до начала войны в Европе Евгению Петровичу следует повнимательнее к нему присмотреться, а на Бессарабскую армию мы назначим господина Плеве. Разумеется, после личной аудиенции, приглашение на которую я пошлю ему немедленно. А ты, Сашка, пока составь распоряжение генералу Сухомлинову, какие части и в каком порядке выдвигать на передовые рубежи в Бессарабию, а я подпишу. Еще одну армию из частей Киевского округа для переброски в Болгарию морем нужно собрать в Таврической губернии, и командовать ею будет как раз генерал Радко Дмитриев. Перейти на службу к моему брату он успеет и по ходу кампании.

– Ваше Величество, – подал голос не произнесший до того ни слова королевич Георгий Карагеоргиевич, – вы, русские, вместе с болгарам будете воевать турка, а нам, сербам, при этом что делать?

– А вы, сербы, – строго сказала императрица, – должны вместе с черногорцами быть готовы мобилизовать армию, прибраться на своих южных рубежах, отвоевав Косово и Шкодер, но помнить, что основной ваш враг, оккупирующий исконные сербские земли – не на юге, а на севере. И еще: чтобы у тех, кто бьется с нашим общим врагом, не было двух или даже трех голов, пора делать твою сестру Елену королевой, а тебя – ее правой рукой. Надеюсь, за это время ты не изменил своего мнения по этому вопросу и готов принять нашего брата Михаила главнокомандующим сил Балканского союза?

– Нет, – сказал Георгий, – своего мнения я не изменил. Едва мой отец отречется в мою пользу от престола, я тут же переотрекусь в пользу Елены и принесу ей присягу как первый верноподданный. Но для этого еще до начала решающих событий я должен вернуться в Сербию. И я уже знаю, чем там займусь по приезду. Кое-чему меня ваш супруг уже научил, другие вещи мне придется познавать по ходу дела, но обещаю, что вашим и нашим врагам от моего возвращения совсем не поздоровится...

– В качестве кадровой закваски я отправлю с тобой в длительную командировку коекого из «дроздов», – сказал князь-консорт, – а также полковника Рагуленко, иначе именуемого оберст Слон, вместе с его «слонятками». Пора вводить в обычай «отпускников», которые, оставляя основное место службы, поедут на Балканы воевать за свободу славян, а российское государство до поры до времени будет тут ни при чем. В таких условиях, когда из России в Сербию все время смогут поступать добровольцы, боеприпасы, медикаменты и новейшее оружие, устраивать бойню австро-венгерским войскам в лесисто-гористой местности можно долго и со вкусом.

– Быть посему! – закрыла дискуссию императрица. – Если война неизбежна, то нужно упредить противника и вынудить его на опрометчивые действия, когда он ни к чему еще не готов. И пусть никто не сомневается, что у меня хватит решимости провести Россию через войну и привести ее к победе. Тихое и спокойное время для России кончилось – впереди гроза, а это значит, Павел Павлович, что все учреждения и ведомства должны перейти на предвоенный режим работы. Всеобщую мобилизацию проводить преждевременно, но все остальное должно быть сделано незамедлительно. Как говорил господин Джугашвили в свое время: наше дело правое, с нами Бог, враг будет разбит и победа останется за нами. Аминь.

20 июля 1907 года, 13:05. Сербия, Белград, Королевский дворец.

Премьер-министр Сербского королевства Владан Джорджевич.

Первое время я вообще ничего не понимал. Из тюрьмы меня выпускали так, будто встречали на вокзале дорогого гостя: с красной дорожкой, музыкой и цветами... Шучу. Но извинения поникшего головой господина Дмитриевича стоили всего вышеперечисленного. Вид у

него был как у нашкодившего гимназиста, которого поймал за ухо строгий учитель. И «учитель» стоял тут же, серьезный до невозможности – полковник Баев, глава русской Загранразведки по прозвищу «Паук», человек настолько жуткий, что при одном только намеке на его неудовольствие господин Димитриевич сразу делается кем-то вроде побитой собаки. Но это были только цветочки. Мало ли по какой причине этот страшный человек проявил участие к судьбе несчастного заключенного.

Как оказалось, пока я был в заключении, мир вокруг еще раз изменился до неузнаваемости. Три года назад, выиграв войну с Японией, Россия замкнулась в себе как медведь в берлоге. И вот теперь я вижу, что медведь как следует выпался, зализал раны, выбрался из своей берлоги и принялся деятельно перестраивать все вокруг в соответствии со своими представлениями о прекрасном. И, между прочим, и у русских, и у нас, сербов, эти представления совпадают почти полностью, хотя австрийцы и турки хватаются от них за головы.

Ну разве не прекрасно, что мужем нашей принцессы Елены стал русский великий князь? И не какой-нибудь бездельник, мот и бонвиван из второго-третьего ряда Романовых, а любимый брат императрицы Ольги, в свое время уступивший ей трон и первый преклонивший колена перед своей царственной сестрой. И жить молодые будут не в блистательном Петербурге, столице дамских мод и новейших научных достижений, а у нас в Белграде. Ну разве не прекрасно, что болгарского князя Фердинанда, больше думавшего об интересах Австро-Венгрии, чем Болгарии, решительно турнули с трона и вместо него выбрали в князья все того же Михаила Романова? И при этом, что характерно, не только не пролилось ни единой капля крови, с головы свергнутого князя не упал ни единый волос. Разве не прекрасно, что Балканский союз наполнился не только антитурецким, но и антиавстрийским содержанием после того, как сильные и бесцеремонные русские влезли в него всеми четырьмя ногами?

И главное. Ну разве не прекрасно, что маленькая Сербия получила от огромной России предложение оказать неограниченную поддержку в ответ на безоговорочное подчинение наших доморожденных патриотов тем, кто знает, что и как требуется делать в подобной ситуации. И мое освобождение – тоже часть того подчинения.

Когда господин Димитриевич ушел, полковник Баев имел со мною крайне содержательную беседу. Меня назвали умнейшим человеком современной Сербии, который очень нужен своей стране, и даже полусловом не упомянули о той злосчастной книге, из-за которой я и загремел за решетку.

– Забудьте, господин Джорджевич, – махнул рукой господин Баев, когда я сам попытался напомнить ему об этом факте своей биографии. – Вы честно служили своей стране и ушли в отставку, пытаясь сохранить нравственную безупречность в безнравственной ситуации. Покойный король Александр был не самым приятным человеком, и его смерть лежит на его же совести, а еще на совести его отца, который, даже будучи абдиктированным, не прекращал своего участия в политике. За ту неоправданную жестокость, с которой ваши юные хулиганы убили своего короля, выговор им мы уже сделали, и на этом все. Бывшее небывшим мы сделать не сможем, и нравственного права патриотов избавить страну от неуправляемого морального урода тоже не отрицаем. Все остальное произошло в рамках сербского национального характера, склонного к перегибам и эмоциональным выплескам.

После этой беседы меня поселили на полном пансионе в номере гранд-отеля «Москва», с момента своего открытия считавшегося в Белграде чем-то вроде неофициального филиала российского посольства, и посоветовали отдыхать и набираться сил перед очередным этапом моей бурной жизни. Вот я и набирался. Прогуливался по набережной Савы, наслаждаясь веющей от речных вод вечерней прохладой, раскланивался со знакомыми и думал, какое будущее ждет теперь мою страну теперь, когда залогом ее существования и благополучия является его великокняжеское высочество Михаил Романов. И результатом этих размышлений стало понимание, что все у нас будет хорошо, если мы сами все не испортим и не поддадимся на сладко-

голосые посулы певцов так называемой европейской цивилизации. Но тогда я даже не догадывался, насколько серьезно обстоят дела на самом деле.

Понять это мне довелось только сегодня, когда меня позвали участвовать во встрече в крайне тесном составе. Присутствовали король Петр, принцесса Елена, ее муж, премьер-министр Пашич и ваш покорный слуга. При этом король выглядел как человек, который надеется вот-вот сбросить с плеч тяжелую ношу и наконец-то отдохнуть от тяжелого труда, а его дочь – как тот, кто собирается этот груз на себя принять. А ведь он правит всего четыре года, и уже успел устать от этого настолько, чтобы бросить все и бежать куда глаза глядят. Вот что значит человек, не приспособленный к власти и не получающий удовольствия от самого факта ее наличия. Что касается премьер-министра, то он был похож на господина Димитриеви́ча, когда тот приносил мне свои извинения. И хоть господина Баева нигде не было видно, господин Пашич явно находился под воздействием принуждения неодолимой силы. И центром внимания оказалась как раз моя персона.

– Господин Джорджевич, возможно, это станет для вас неожиданностью, но с сегодняшнего дня вы снова премьер-министр Сербии, – сказал мне король.

– А как же господин Пашич? – растерянно спросил я.

– А господин Пашич, так же, как и я сам, с сегодняшнего дня подает в отставку и отходит от политической деятельности, – ответил король. – В новое время Сербию предстоит вести новым людям, не замеченным, хе-хе, ни в чем предосудительном. А господин Пашич у нас замешан в предыдущем перевороте, своею жестокостью изрядно замаравшем честное сербское имя, да и его сын Радомир ведет жизнь, далекую от благопристойной, в то время как вы, господин Джорджевич, чисты и прозрачны, аки воды горного ручья.

– Ваше Величество, вы подаете в отставку? – удивленно спросил я.

– Да, в отставку, – сказал Петр Карагеоргеви́ч, – в конце концов, я не хотел этой должности, и только воля народа (а на самом деле заговорщиков) заставила меня занять трон, ибо конкурирующая династия Обреновичей пресеклась уже второй раз подряд. И вот теперь я с радостью оставляю трон и ухожу в частную жизнь... и вы ни за что не догадаетесь, кто будет моим преемником.

– Неужели присутствующий здесь Михаил Романов? – ошарашенно спросил я. – Ведь тогда он смог бы объединить под одним скипетром Сербию и Болгарию и создать великую славянскую империю на Балканах...

– И вовсе нет! – засмеялся довольный король, – вы не угадали, а еще считаетесь умным человеком. Такой выходки с «одним скипетром» сейчас не потерпят ни в Белграде, ни в Софии, да и он сам не хочет становиться сербским королем, и лишь из-за прямой политической необходимости согласился принять на себя обязанности болгарского князя. Трон я оставляю присутствующей здесь дочери Елене. То есть на самом деле я отрекаюсь, оставляя трон своему сыну Георгию, но тот уже прислал телеграмму, что заранее переотречается в пользу своей сестры... Он так же, как и я, не чувствует призвания к этой работе. Ему бы только саблю в руки, да в жаркий бой.

– У меня от всего этого голова кругом идет, – признался я, и тут же спросил: – А как же ваш сын Александр – почему Георгий не отречется в пользу брата, а не сестры? Ведь так было бы привычнее.

Сидящие напротив меня люди переглянулись.

Сверкнув глазами, будущая королева сказала:

– В будущем иного мира, ради того, чтобы добиться власти, Александр совершил множество неблагоприятных поступков, из которых проистекли большие беды. Не только в вашу судьбу, господин Джорджевич, вмешались пришельцы из будущего. Всем от них достались пряники – кому вкусные, а кому не очень. Но этим дело не ограничилось. Когда Александр узнал, что организация господина Димитриеви́ча лишила его своей благосклонности, он начал ходить по

иностранным посольствам в поисках поддержки – и, конечно же, австрийцы, дела которых в последнее время стали плохи, уцепились за эту возможность навредить Сербии.

– Когда я узнал об этом, то решил, что отныне у меня есть только дочь и старший сын, – сказал старый король, – а младшего сына нет, и никогда не было. Так что забудьте о таком человеке, как Александр Карагеоргиевич, его теперь просто не существует.

Я представил себе залитый кровью, обнаженный труп юноши, по которому каждый соратник господина Димитриеви́ча нанес один удар саблей. Как это бывает, Сербия наблюдала в дни майского переворота, когда те же самые тайные карбонарии убивали короля Александра Обреновича и королеву Драгу, нарубив их на куски.

– Не думайте, что мы его убили, – передернув плечами, сказала Елена, – тело моего бывшего брата живо и почти здорово. Но даже русская императрица, люди которой взяли на себя заботу о его брэнном существовании, не знает, где бывший сербский королевич проведет остаток своих дней. Государственная измена и заговор с целью захвата власти – это слишком тяжелые обвинения, чтобы Александру можно было простить его грехи.

Наступила тишина. Я был должен либо согласиться служить королеве Елене, либо гордо отказаться и приготовиться возвращаться в тюрьму. Или нет? Ни принцесса Елена, ни ее супруг не выглядели людьми, способными к мелкой мстительности, как господин Димитриеви́ч. И в то же время нет у меня никакого желания говорить «Нет». Я всю жизнь служил Сербии и понимаю, что все, что они делают – это в интересах моей страдающей Родины. Без русских нас, сербов, всего горсть, а вместе с ними на одной с нами стороне будет сражаться полмира. К тому же, в отличие от господина Паши́ча, я и в самом деле не верю, что нам удастся в одиночку основать свою славянскую империю на Балканах. Наш народ стар и сильно устал от безнадежной борьбы – так что теперь нуждается в отдыхе и покое.

– Меня интересует еще один вопрос, – сказал я. – Скажите, если ее высочество Елена станет королевой Сербии, а ее супруг князем Болгарии, то вместе это получится большая Югославия, о которой мечтает господин Паши́ч?

Вместо своей супруги ответил мне Михаил Романов:

– Мы думаем, что при нашей с Еленой жизни это будет личная уния двух разных государств, которым предстоит длительный процесс сближения и устранения противоречий. Иначе нас не поймут ни сербы, ни болгары. И только после нашей смерти народы Болгарии и Сербии должны решить, был ли этот опыт совместной жизни в одном государстве удачным и стоит ли превращать личную унию в постоянное объединение, оставив обе короны в руках одного наследника, или же следует продолжить существование в качестве отдельных, но дружественных государств.

– Мы понимаем, что судьба единства православных славян на Балканах – в наших руках, – скромно потупив глаза, поддержала своего супруга принцесса Елена, – и отнесемся к этому вопросу со всей возможной ответственностью. У двух балканских народов общие враги – Австро-Венгрия и Османская империя, и один общий друг – Россия. А больше у нас друзей нет. Все остальные страны ищут у нас на Балканах свой меркантильный интерес, даже Италия, куда так неудачно вышла замуж моя тетушка Елена... Не так ли, господин Паши́ч?

– Верно, – с угрюмым видом ответил до того молчавший мой предшественник-конкурент, – и именно потому я безо всякой борьбы согласен оставить свое место. Счастье сербского народа превыше моих личных желаний.

– Сейчас мне требуется срочно ехать в Софию, чтобы принять трон и начать делать большой политик, – сказал Михаил Романов, – и моя супруга будет со мной, ибо куда муж, туда и жена. Там мы встретимся с королевичем Георгием, который спешит на родину из России, после чего мой тесть сможет отречься от престола, а дальше все пройдет по описанной ранее схеме. Тем временем вы, господин Джорджеви́ч, примете дела у господина Паши́ча и будете сидеть в Белграде, будто сыч на яйцах. Передача власти, да еще вот так – не такое простое дело,

как кажется. Найдутся агенты влияния, которые будут агитировать за Александра или вообще за республику. Если дело дойдет до каких-то беспорядков, то, не колеблясь, обращайтесь к господину Димитриевичу, он поможет. Ну как, вы согласны или, как говорит один мой друг, требуется приискать другие кандидатуры?

Я недолго подумал и согласился. Ведь я первым делом должен думать об интересах Сербии, и только потом – о своих собственных.

– Хорошо, – сказал я, – все будет сделано так, как надо, но потом вы обязательно расскажете мне все, ибо иначе я не смогу действовать с полной эффективностью.

– Разумеется, расскажем, – с серьезным видом кивнула Елена. – Не могу сказать, что это знание вас хоть немного обрадует, но пищи для размышлений в нем хоть отбавляй. А сейчас просто нет времени.

– Да, это верно, – подтвердил ее супруг, – сейчас у нас совершенно нет времени. Еще немного – и все понесется галопом.

22 июля 1907 года. полдень, Тырново, Церковь сорока Мучеников.

Манифест Михаила Романова при вступлении на престол к болгарскому народу:

МЫ, МИХАИЛ ЧЕТВЕРТЫЙ¹,

ЦАРЬ БОЛГАРСКИЙ,

По воле болгарского народа вступая на престол, объявляем всем верным НАШИМ подданным, в этот торжественный час вступления НАШЕГО на болгарский Престол, вспоминаем заветы НАШИХ ПРЕДКОВ и, проникшись ими, приемлем священный обет перед Лицом Всевышнего всегда иметь единой целью свободу, независимость, мирное преуспеяние, могущество и славу болгарского государства и устройство счастья всех НАШИХ новых верноподданных.

Всемогущий Бог, Ему же угодно было призвать НАС к сему великому служению, да поможет НАМ. Вознося горячие молитвы к Престолу Вседержителя о благоденствии Болгарской державы, повелеваем всем НАШИМ подданным учинить присягу в верности НАМ.

По воле незабвенного Царя-Освободителя великий братский русский народ с помощью болгарских храбрецов 19 февраля 1878 года сбросил рабские цепи, веками сковывавшую Болгарию, некогда великую и славную. С тех пор и поныне, почти тридцать лет Болгарский народ, непоколебимо верный памяти борцов за свободу и воодушевляемый их заветами, неустанно работает над благосостоянием своей прекрасной земли и созданного на ней болгарского государства, достойного быть равноправным членом семьи цивилизованных народов.

Всегда миролюбивый, Мой Народ ныне мечтает о культурном и экономическом прогрессе. В этом направлении ничто не должно сковывать Болгарию, ничто не должно мешать её преуспеянию. Таково желание Моего Народа, такова его воля – да будет так, как он хочет.

Болгарский народ и его Царь думают и желают одного. Моему государству, фактически независимому, препятствуют в его нормальном и спокойном развитии узы, еще связывающие его с Турцией, формальный разрыв которых устранил последние препятствия на пути к окончательному объединению и освобождению болгарского народа. Поэтому, вступая на болгарский престол, повелеваю объявить полную независимость болгарского государства от Османской Порты, ибо именно для этого болгарский народ призвал к себе царя из рода Романовых, которому невместно находиться в подчинении у владыки неверных агарян. Мы требуем вернуть в состав Болгарии территории, отторгнутые у нее на Берлинском конгрессе, итоги которого недавно были признаны ничтожными по причине их полного неисполнения турецкой стороной. Если потребуется, болгарский народ отстоит эти притязания силой своего оружия. И в

¹ Михаил I (он же Борис I) правил с 852 по 889 год, Михаил II Асень правил с 1246 по 1256 годы, Михаил III Шишман правил с 1323 по 1330 годы.

этих наших устремления нас поддерживает сестра наша, русская императрица Ольга, готовая двинуть на помощь независимой Болгарии прославленные русские армии.

Я и Народ Мой искренне радуемся независимости от Турции. Болгария, единая, свободная и полностью независимая, будет иметь все условия для создания и укрепления дружеских отношений со всеми своими соседями и для собственного мирного внутреннего развития. Счастье объединенной Болгарии – в союзе с великим русским народом и народом братской Сербии.

Воодушевленный этим святым делом и чтобы удовлетворить государственные потребности и народное желание, с благословения Всевышнего я провозглашаю Болгарию независимым Болгарским царством и вместе со своим народом глубоко верю, что этот акт найдет одобрение Великих держав и поддержку всего просвещенного мира.

Да здравствует свободная и независимая Болгария!

Да здравствует болгарский народ!

Дана в городе Тырново, в присутствии депутатов великого народного собрания, лета от Рождества Христова в тысяча девятьсот седьмое, Царствования же НАШЕГО в первое. Июля 22-го дня.

На подлинном Собственной ЕГО ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано: МИХАИЛ.

23 июля 1907 года. Заголовки ряда европейских газет:

Германская либеральная **«Берлинер тагенблат»**: «Последствия денонсации Берлинского трактата. Голос разума, которым говорила Германия, не был услышан, и на Балканах снова поют фанфары и гремят барабаны войны».

Германская радикально-социалистическая **«Die Einigkeit (Единство)»**: «Берегитесь – русские идут! Боже, вразуми нашего кайзера, чтобы ни один германский солдат не отправился воевать за турецкие интересы».

Французская право-националистическая **«Эко де Пари»**: «Русский принц, вступая на болгарский престол, провозгласил Декларацию о независимости своего государства и выдвинул претензии на территории, входившие в состав Болгарии по Сан-Стефанскому мирному договору. Потерпит ли такую наглость султан Абдул-Гамид?».

Французская социал-демократическая² **«Юманите»**: «Волчица в овечьей шкуре. Русская императрица провозгласила поддержку болгарской независимости, но борьба за свободу христиан – лишь прикрытие для агрессивных планов царского режима».

Британская консервативная **«Таймс»**: «Русская императрица высказала полное одобрение притязаниям своего брата. Как и тридцать лет назад, русская армия выдвигается к границам на Кавказе и в Бессарабии, чтобы силой оружия раздвинуть рубежи и без того уже безразмерной державы. Опьяненные успехами в войне против Японии, русские генералы грозят закидать несчастную Османскую империю шапками своих солдат».

Британская либеральная **«Манчестер Гардиан»**³: «Балканский вопрос. Русская армия в грохоте артиллерийских залпов готова преподать турецкому султану урок хороших манер и истинного человеколюбия».

² Коммунистической газетой «Юманите» стала только после первой мировой войны.

³ С 1959 года называется просто «Гардиан».

Российская **«Русские ведомости»**: *«Перевернута позорная страница Берлинского конгресса, Россия нынче сильна как никогда. Русская армия силой оружия готова принести освобождение жаждущим свободы христианским народам».*

Болгарская **«Державен Вестник»**: «Манифест царя Михаила был встречен всеобщими овациями депутатов и народа. Наш новый царь – человек чести. Все обещанное им нашему народу перед детронизацией князя Фердинанда исполнено в полном объеме. Русский народ с нами, а это значит, что Болгария непобедима».

Сербская **«Политика»**: «Муж нашей любимой принцессы Елены стал болгарским царем. Быстрота и натиск, неистовство и решимость. Теперь болгарские и сербские армии в одном строю с русскими солдатами будут сражаться против наших исконных угнетателей».

24 июля 1907 года, 19:15. Санкт-Петербургская губерния, Гатчина, Большой дворец, рабочий кабинет императрицы Ольги.

Императрица Ольга принимала генерала Плеве в компании только двоих: своей первой статс-дамы и князя-консорта. Более никого в кабинете, обставленном мебелью светлых тонов, не имелось. При этом Павел Адамович, хоть и не отирался по столицам, знал, что миловидная дама, госпожа Одинцова, что стоит за креслом государыни – не только компаньонка по дамской части юной императрице, но и одна из умнейших женщин России, частенько дающая своей госпоже советы, когда та в затруднении. Такую роль предопределило ей ее происхождение из будущих времен, а также большой жизненный опыт, отраженный в нескольких российских и иностранных наградах.

Еще более важной персоной мог считаться князь-консорт. Определением «муж государыни» его сущность в системе Государства Российского не исчерпывалась, а лишь начиналась. Вместе с госпожой Одинцовой он был одним из тех людей, которые пришли из будущего, чтобы честно и гордо поднять имя России на недостижимую высоту. В морских делах генерал фон Плеве разбирался слабо, но вот битву под Тюрнеченом, выигранную будущим князем-консортом на пару с Великим князем Михаилом Александровичем, почитал образчиком военного искусства. Так что он сразу понял, что не из праздного любопытства позвали его на эту встречу, и что речь пойдет не о дамских пустяках, на которые государыня Ольга совсем не падка. Разговор наверняка будет о чем-то важном, ради чего ему было велено срочно сдать корпус своему начштаба и мчаться сюда, в Гатчину.

Долго осматриваться гостю не дали. Императрица приветливо кивнула головой и вполне доброжелательно произнесла:

– Здравствуй, Павел Адамович. Я рада, что ты выполнил мое повеление с такой поспешностью. Не прошло и недели, как я тебя позвала – и ты уже здесь, не связанный прошлыми делами и готовый к новому назначению.

Генерал начал было говорить, что всегда рад выполнить поручение своей императрицы, но та прервала его на полуслове.

– Времени нет на пустые слова, так что все свои комплименты вы мне скажете потом. Литерный поезд для вас ждет, паровоз уже под парами. Пока вы сдавали корпус и ехали сюда, обстановка на юге осложнилась до крайности. После того как наш брат принял болгарский престол и объявил о независимости своего государства от Османской империи, есть все приметы к тому, что старый придурок султан Абдул-Гамид вознамерился напасть на Болгарию и, может быть, Сербию, без объявления войны. Армию в Бессарабии, которая должна выступить на помощь братушкам, мы почти собрали, но командующего у нее до последнего момента не было. Как всегда, когда потребовалось начинать войну, выяснилось, что генералов у нас много,

а командовать некому. Генерал Сухомлинов, временно занимающий должность начальника Киевского округа, доверчив и недалек, и, несмотря на все его монархические и патриотические убеждения, доверять этому человеку войска, которые должны пойти в бой, просто страшно. В нашей армии все же не оловянные солдатики служат, а живые люди, и у каждого есть отец с матерью, а у господ-офицеров еще и жены с детишками. Впрочем, многие другие генералы еще хуже. Прополка сорняков далеко еще не завершена, многие кандидатуры под вопросом, но ты, Павел Адамович, один из тех немногих, по чьему поводу никаких колебаний нет. Понятно тебе сие, или нам приискать другую кандидатуру?

– Понятно, государыня-матушка, – сказал фон Плеве, – и других кандидатур подыскивать не надо. Еще давая присягу, я поклялся служить там, куда пошлют, и готов немедленно выехать в Бессарабию принимать командование. Только вот скажите мне, неразумному, что надо делать, если власти Румынии, чьи земли лежат между Бессарабией и Болгарией, откажутся пропускать наши войска через свою территорию? Тамошнее боярство, насколько мне известно, не особо жалуется нас, русских, оглядываясь то на Берлин с Веной, то на Лондон с Парижем.

– В том случае, если тебя откажутся пропускать добром, – ледяным тоном произнесла императрица, – ты должен пройти через румынскую землю силой оружия, в качестве платы за беспокойство прирезав их к территории моей державы. Письмо о том, что мне нужны прямые пути сообщения через румынскую территорию, своему брату Каролю я уже послала, и если оно не возымеет воздействия, то я в том не виновна. Когда-то эта Румыния была создана через то, что России выкрутили руки на Парижском конгрессе, и теперь в случае демонстрации ослиного упрямства я намереваюсь открутить все назад вместе с некоторыми особо упрямыми головами. При этом стрелять в румынских мужиков, которые сейчас как раз бунтуют против своих бар, тебе никак нельзя, а вот вешать этих самых бар высоко и коротко за неуважение к российской державе и разные поносные слова я тебе позволяю, и даже вмещаю в обязанность. Впрочем, если румыны не будут ерепениться, ты просто пройдешь со своими войсками через их земли с максимально возможной быстротой – и тогда все остальное мы отложим на другой раз, который еще, несомненно, представится. Ну как, понятен тебе мой ответ или надо разъяснять дополнительно?

– Никак нет, государыня-матушка, – склонил голову генерал фон Плеве, – что делать с Румынией, мне понятно. Станет сопротивляться – сломать как гнилую халупу, в противном случае – пройти через нее со всей возможной скоростью, не обращая ни на что внимания. А теперь скажите, кому я должен подчиняться в ходе этого дела – генералу Сухомлинову, вашему супругу или же вам лично?

– Мой супруг – это разговор особый, – ответила императрица, – его корпусу придется ставить точку в деле на Босфоре, а потому морская пехота уже грузится в эшелоны с пунктом назначения – Севастополь. Подчиняться ты будешь нашему брату Михаилу, который к моменту твоего прибытия будет назначен Главнокомандующим всеми войсками, сражающимися против Турции на европейском театре военных действий. Я здесь, в Санкт-Петербурге и Гатчине, а он – в Софии, и ему на месте виднее, что надо делать. Кроме твоей Бессарабской армии, против Османской империи будет сражаться Таврическая армия генерала Радко-Дмитриева, которая уже грузится на пароходы, чтобы отправиться в Бургас и Варну морем. Впрочем, ничего большего на эту тему я тебе сказать не могу, потому что это будет одна из тех скоротечных и немного сумбурных войн, когда сначала армии ввязываются в бой, а уже потом командующие решают, что им со всем этим делать.

Императрица сделала паузу, осмотрела своего собеседника с ног до головы и добавила:

– И, насколько нам известно, Павел Адамович, вы к такому образу боевых действий подходите наилучшим образом. Так что езжайте немедленно – ваша слава вас уже ждет. А мы останемся здесь и будем молиться и за вас, и за своего супруга, и за всех русских воинов, которые будут драться с жестоким супостатом.

Когда генерал фон Плеве вышел, воодушевленный и окрыленный, императрица со вздохом посмотрела на супруга и сказала:

– И ты поезжай, Сашка, а мы здесь с Павлом Павловичем останемся делать большой политик. Босфор и Дарданеллы по итогам этого дела должны непременно отойти к России, и в том я могу положиться только на тебя. Подобное более свершить некому. В тот момент, когда мы начнем ломать империю Габсбургов и Второй Рейх дядюшки Вилли, никакого удара с юга по нам последовать не должно, и морское сообщение Одесса-Марсель обязано действовать бесперебойно. И ты уж береги себя там, не оставь меня молодой вдовой с дитем на руках, ведь наше счастье с тобою так сладко, что я уже три года не могу прийти в себя от счастья.

– И я тебя тоже очень люблю, Оля, – сказал князь-консорт, непроизвольно оправляя мундир. – Не беспокойся, все будет как надо, вернемся мы по домам с победой и непременно живыми...

Сказав это, князь-консорт тоже вышел – и императрица знала, что мысленно он уже там, на войне, где грохочут залпы и рвутся бомбы, а морская пехота волнами выплескивается на чужой берег, чтобы во славу Отчизны одержать над врагом победу. Ей же, как и другим женам русских воинов, остается только ждать и молиться, потому что на войне, бывает, погибают даже генералы.

25 июля 1907 года. Стамбул. Дворец султана Долмабахче.

Когда императрица Ольга говорила, что султан Абдул-Гамид готов напасть на Болгарию немедленно и без объявления войны, она не ошибалась и не преувеличивала. Крыса, загнанная в угол, тоже порой готова кинуться на своего мучителя и убийцу.

Пощечина его султанскому величеству Манифестом Михаила Четвертого о восхождении на болгарский престол и в самом деле получилась хлесткая: голова у Абдул-Гамида мотнулась от плеча к плечу. Последний раз его так унижали только в несчастном 1878 году, когда русские армии находились в одном дневном переходе от беззащитного Стамбула. И вот теперь они вернулись – еще более грозные и решительные, а в империи осман повсюду видны признаки упадка, Больной Человек Европы задыхается в миазмах собственного гниения, армия охвачена брожением, а те страны, что прежде были Турции союзниками, потеряли к ней былой интерес. И даже Германия, еще совсем недавно обхаживавшая Стамбул в поисках союзника против набирающего силу русского медведя, скорее всего, предпочтет остаться в роли зрителя, улюлюкая с галерки сражающимся на арене бойцам.

Ну в самом деле, нельзя же так – тридцать лет назад пообещать концессию на постройку железной дороги Берлин-Стамбул-Багдад-Басра, чтобы в обход контролируемого англичанами Суэцкого канала доставлять колониальные товары прямо в центр Европы, и до сей поры волочить вопрос «в комитетах», с которых взятками кормилась немереная уйма турецких чиновников. Время от времени султан «собирал урожай», казня особо грешных и конфискуя имущество в казну, а потом все начиналось сначала. А все дело в том, что не только в России были свои «подмораживатели». Султан Абдул-Гамид всячески сдерживал техническое и промышленное развитие своей державы, опасаясь, что оформившийся в ходе этого процесса рабочий класс и техническая интеллигенция разнесут державу осман вдребезги. Вот помру лет через десять, думал он, и тогда делайте что хотите, а пока я жив, то ничего не можно.

Единственным образованным слоем турецкого общества являлось армейское офицерство – султан не жалел средств на его подготовку. В противном случае с такими соседями, как русские, можно было лишиться не только какой-либо окраинной провинции, но и самой султанской головы. Черноморские проливы и город Стамбул – это не только самая ценная недвижимость, которой владеют османские султаны, и давний предмет вожделения русских императоров, но и сердце турецкой державы. Абдул-Гамид понимал, что на азиатском берегу Босфора для него места нет. Стоит проиграть войну за Проливы – и «благодарные» подданные зарежут

его как собаку вместе с ближней и дальней родней. Нельзя сказать, что султан сидит сложа руки – почуяв запах жареного, он начал суетиться, пытаясь бурной деятельностью загладить последствия многолетнего благодушного безделья.

Но в подготовке к войне имелось несколько труднопреодолимых моментов. Во-первых – главный рубеж обороны на подступах к Стамбулу, Чаталжинская укрепленная линия, рассчитанная на то, что ее фланги, упирающиеся в Черное и Мраморное моря, будут прикрыты боевыми кораблями турецкого флота. Пока вероятным противником, способным штурмовать этот рубеж, была не имеющая флота Болгария, все было нормально, но теперь османам придется иметь дело с русским Черноморским флотом, а он, даже до вступления в строй линкоров-дредноутов, крыл османских «стариков» с тридцатилетним стажем как бык овцу. Эпоха безусловного доминирования Османской империи на Черном море минула безвозвратно, и турецкий корабельный состав нуждался в экстренном усилении.

Переговоры о покупке прямо на стапеле одного из систершипов «Дредноута» закончились, едва начавшись. Люди адмирала Фишера нагло заявили турецким представителям, что корабли первой серии не продаются, так как нужны самой Британии. Со второй серии – пожалуйста, но только при внесении стопроцентной предоплаты живыми деньгами, а не на кредит, взятый в британском же банке. А то потом взыскать долги с покойников будет весьма затруднительно. После этого турки ткнулись в Германию, где из боевого состава флота по устареванию только что были выведены четыре броненосца типа «Бранденбург». Однако после Брестской конференции немцы передумали продавать еще вполне боеспособные корабли, и в качестве компенсации (за ту же цену) предложили туркам четыре «броненосца» типа «Саксен»: ужасное старье, построенное как раз в годы прошлой русско-турецкой войны. Эдакая маленькая тевтонская мстия за обещанную, но так и не построенную железную дорогу из Стамбула в Басру. А еще кайзер Вильгельм знает, что вопрос о существовании его государства будет решаться отнюдь не на Босфоре, а потому концентрирует все силы на одной задаче – война на западном направлении в соответствии с планом Шлиффена должна быть выиграна в одно касание. Распыление сил лишит Германскую империю всякой надежды на благополучный исход.

Во-вторых – турецкая армия, основа османского режима, охвачена брожением. Молодые образованные офицеры в отсутствие либеральной интеллигенции заняли ее место и жаждут для своей страны демократических реформ, а для себя – политической власти. Султан с радостью поотрубал бы все слишком умные головы разом, но в таком случае некому будет сражаться с русскими. В России ситуация с внутренним положением более-менее выровнялась; власть русской императрицы крепка и она не боится вступить в схватку чтобы победить. Битый смертным боем японский микадо тому свидетель. В Санкт-Петербурге уже, несомненно, составили список территориальных приращений по итогам этой войны, включающий в себя не только самоочевидные Черноморские Проливы, а также земли на Кавказе и Причерноморье с армянским и греческим населением. Планы царского правительства должны идти дальше, и в них не может быть места сохранению турецкой государственности. По крайней мере, так кажется султану Абдул-Гамиду, исповедующему принцип: «Государство – это я».

Но, несмотря на отсутствие реальной международной поддержки и отвратительное состояние армии и флота, ярость затмевала султану глаза. Узнав о ярком демарше нового болгарского монарха, несомненно, ощущающего за спиной поддержку многомиллионной русской армии, он вызвал к себе на совещание сераскира (главнокомандующего всей турецкой армией) Мехмеда Реза-пашу, а также Великого Визиря Мехмеда Ферида-пашу и министра иностранных дел Ахмеда Тевфика-пашу. При этом следует отметить, что два последних государственных деятеля отнюдь не были османами. Великий визирь по происхождению был турко-албанцем, а министр иностранных дел – крымским татарин из рода Гиреев, чьи предки бежали в Османскую Порту от ярости русского оружия. Собственно, а чего такого особенного могли сказать своему султану эти несчастные? О чем-то он знал сам, а о чем-то хотя бы догадывался.

Османская империя разорена, торговля в упадке, дехкане бедствуют, а армейские офицеры и полицейские чиновники уже полгода не получали жалования, ибо в казне нет даже бумажных денег. Государство османов охвачено смутой и неурядицами, в Западной Румелии и Фракии неверные восстали против власти султана. Впрочем, как раз об этом министры и не говорили, ибо так быстро можно лишиться головы.

– Мой господин, – кланяясь, сказал султану Ахмед Тевфик-паша, – в грядущей войне мы не сможем ни на кого рассчитывать. Франция и Британия вступили в союз с Российской империей, Германия озабочена собственными проблемами и предупредила императора Франца-Иосифа, что если тот не подвергнется нападению России, а сам станет инициатором военных действий, то не сможет рассчитывать на поддержку со стороны германских гренадер. Красная черта, которая будет обозначать вступление Германии в войну – это объявление в России всеобщей мобилизации, чего не потребуется в том случае, если русские выступят против Османской империи.

– А они выступят, тому сомнений нет, – сказал сераскир, – безо всякого объявления о своих намерениях русские войска собираются на кавказских границах, в Бессарабии и Таврической губернии, там, где их можно погрузить на корабли и перевезти в Варну или Бургас. В Болгарии, Сербии и Черногории объявлена мобилизация, и если мы не ударим первыми, то нас просто сомнут превосходящей силой. Главной целью нашего нападения должна стать Болгария – зачинщик и дирижер грядущей войны. Отмена решений Берлинского конгресса сделала болгар дерзкими и самоуверенными, и мы должны показать всему миру, что разгром Греции нашими аскерами девять лет назад совсем не был случайностью...

– Болгары – это далеко не греки, – сказал Великий Визирь, – и при натиске на них не разбегутся, а будут драться насмерть. К тому же грекам не от кого было тогда ждать помощи, ибо все европейские страны проявляли к ним враждебный нейтралитет, а вот болгарских солдат будет воодушевлять надежда на помощь русских армий. Или вы сомневаетесь в том, что русская императрица немедленно двинет полки на помощь своему брату, едва первые османские солдаты перейдут границу?

– Русским, чтобы оказать помощь Болгарии, потребуется пройти через территорию Румынии, – сказал сераскир, – и румыны будут тому не рады. Думаю, что переговоры об этом затянутся надолго.

– А я думаю, что не будет никаких переговоров, – сказал министр иностранных дел. – Русские просто разгонят много понимающий о себе цыганский табор, тем более что в Румынии сейчас имеют место крестьянские волнения, и солдаты не уверены, стоит ли вообще воевать за это правительство.

– В любом случае если есть такая возможность, то надо бить первыми, – парировал сераскир. – Пусть русские придут спасать Болгарию, когда от нее останется только пепелище. Враг превосходит нас по всем статьям, и войну мы в любом случае проиграем, но так, по крайней мере, будет все не зря. Если мы и погибнем, то делать это надо по колено во вражеской крови. Наша армия во Фракии – двести тысяч пехоты, в Македонии – триста тысяч, в то время как сербская армия в мирное время – семьдесят тысяч солдат, а болгарская – сто пятьдесят.

– Врагов надо не считать, а как можно скорее убивать! – яростным дребезжащим голосом произнес султан, которому надоело слушать эту перепалку. – Также следует убивать их жен и детей, чтобы позади наших аскеров дымилась выжженная земля. Пусть перед смертью болгары пожалеют, что они выбрали себе такого царя. Но в первую очередь мы должны вырезать недружественное нам христианское население в Западной Румелии, Фракии, Стамбуле и других местах. Если проклятые аллахом урусы хотят завоевать эти земли, так пусть им не достанется ничего, кроме трупов и развалин. Объявите мобилизацию всех правоверных, способных носить оружие, и немедленно выступайте. Пусть дымы пожаров, а также вопли убиваемых, поднимутся к небесам как можно скорей. Ибо если наши предки не боялись пролить кровь

беззащитных, то и нам не стоит этого стесняться. Не мы придумали эту борьбу за свободу, грозящую нам уничтожением, и не нам нести ответственность за возможные жертвы. А теперь идите, собаки, и сделайте так, чтобы с урусами дрался каждый правоверный, способный держать саблю или кинжал! Как главный защитник ислама, я объявляю джихад – и пусть с этого момента не будет мира между неверными и правоверными!

Едва министры вышли, как в комнате, бесшумно ступая в мягких шелковых туфлях, появился мальчик-бача, прекрасный и розовощекий, будто юная дева. Он принес султану уже разожженный кальян, чтобы дымом гашиша, смешанного с отборным табаком, притупить злобные людоедские инстинкты старого бабуина. А то он в порыве страха и раздражения еще прикажет казнить кого-нибудь не того, а потом будет об этом жалеть, как будто можно приставить обратно отрубленную голову...

27 июля 1907 года. Вечер. Румыния, Бухарест, Королевский дворец.

Послание русской императрицы, доставленное императорским фельдегером «из рук в руки», привело старого румынского короля в состояние, близкое к шоку – уж в очень резких и определенных тонах оно было составлено. Никакой дипломатии, сплошная конкретика. Или Румыния беспрепятственно пропускает через свою территорию русские войска и без малейших пререканий и таможенных препон позволяет организовать экстерриториальные линии снабжения под охраной русских воинских команд, или в ходе скоротечной и беспощадной войны румынское государство упраздняется, а его территория частью присоединяется к Российской империи, а частью (Северная Добруджа) к Болгарии.

Хотя, казалось бы, с чего волноваться румынскому королю? Тридцать лет назад, во время предыдущей русско-турецкой войны, он уже был союзником деда русской императрицы, и по итогам этого союза прирастил территорию государства, из вассального по отношению к Турции княжества превратив его в независимое королевство. Но был в этом деле один нюанс. Северную Добруджу Румыния получила не от Турции, а от Болгарии, как раз по итогам Берлинского конгресса. И это несмотря на то, что преимущественно население там было не румынским, а смешанным – болгаро-татарским. Одного этого было достаточно, чтобы подозревать, что теперь, когда на болгарском престоле сидит царь из династии Романовых, а итоги Берлинского конгресса признаны ничтожными, в Петербурге решили отрезать Северную Добруджу у Румынии и вернуть ее в состав Болгарии. Ничего такого в письме русской императрицы не содержалось, но поскольку у румын совесть в этом деле была нечиста, представления об истинных целях русской императрицы имелись самые страшные.

Вопрос Северной Добруджи был не единственным, заставившим сердце румынского короля биться в ускоренном темпе. Аппетит к чужим территориям в румынские головы приходил прямо во время еды. Теперь румынское боярство жаждет не только австро-венгерской Трансильвании, но и российской Бессарабии, а также болгарской Южной Добруджи. Бацилла «Романиа Маре» уже бродит в интеллигентских головах, которым уже мнится огромная Румынская империя: от Адриатического моря до Днестра, Южного Буга, Днепра или даже до Уральских гор... Как только об этих бреднях узнают в Петербурге, последует свирепая и молниеносная реакция. Если идею отторжения российских территорий высказывают частные лица (вне зависимости от их подданства), то им грозят каторжные работы вплоть до пожизненных, а если главы государств или правительств – то это вызовет понижение уровня отношений вплоть до объявления войны.

Таким образом, вот первое, что пришло в голову румынскому королю: русская армия без боя входит на территорию Румынии – так, чтобы занять главные города, а потом по получении приказа от своей императрицы арестовывает правительство и королевскую семью. После чего начинается дележка трофейного имущества и нудное следствие о том, кто злоумышлял против целостности российского государства...

Однако единолично отказаться пропустить русские войска через румынскую территорию король тоже не может. В Румынии король только царствует, а правят этой страной совсем другие люди, именуемые национал-либеральной партией, и партия эта представляет интересы румынской аристократии.

Этих-то национал-либеральных политиканов король Кароль, помимо наследника престола принца Фердинанда и его жены Марии Эдинбургской и Саксен-Кобург-Готской, и вызвал к себе на совещание. Принц Фердинанд по своей сути был пустым местом, больше всего он увлекался ботаникой, а в политике разбирался не больше, чем в астрономии. Супруга наследника, напротив, была особой живой, очень деятельной, но ее политические амбиции ограничивались той ролью, какую румынское общество отводило женщине. Ох, как она завидовала своей двоюродной сестре Ольге, которую случай и сплотившаяся вокруг лейб-кампания вознесли на недостижимую высоту...

Кодлу национальных либералов возглавлял престарелый премьер-министр, он же министр иностранных дел, Димитре Стурдза (сын бывшего молдавского господаря Михаила Стурдзы от первого брака), а позади него толпились: военный министр Александру Авереску, начальник генерального штаба Григоре Грациану, министр внутренних дел Ионел Братиану и председатель Сената Иоан Лаговари. И если королевская семья в любом случае избежит самого страшного исхода, то должностным лицам национал-либерального румынского правительства в случае неблагоприятного развития событий грозили нешуточные неприятности.

– Господа! – сказал король, когда вопросительные взгляды приглашенных сошлись на нем как лучи боевых прожекторов. – Я должен поставить вас в известность, что сегодня утром мною была получена личная и чрезвычайно важная депеша от русской императрицы Ольги. В своем послании она требует беспрепятственно пропустить ее армию в Болгарию через территорию Румынии и дать ей право организовывать на нашей территории экстерриториальные войсковые линии снабжения, свободные от всяческого таможенного досмотра и контроля.

В ответ на это заявление национал-либеральные политики вскипели гулом голосов, выражающих крайнюю степень негодования. И когда этот шум улегся, тихо заговорил восьмидесятидевятiletний премьер-министр Димитре Стурдза.

– Это немыслимо и совершенно невозможно! – решительно сказал он, – суверенитет Румынии не позволяет ничего подобного. Тридцать лет назад союз с русскими был нам нужен для того, чтобы из княжества, вассального Турции, превратиться в полностью независимое государство, но сейчас у нас нет никаких причин идти на поводу у прихотей русской императрицы. Вот если нам за это как следует заплатят или передадут под нашу власть новые территории...

– Русская царица ведет у себя в стране совершенно возмутительную политику, – медленно, важностью, произнес Иоан Логовари, – а также нянчится с простонародьем, будто оно хоть что-то значит. Мы только недавно сумели отбиться от очередного мужицкого мятежа, но стоит на нашей земле оказаться русским солдатам, как все полыхнет вновь!

– Не о том говорите, господа! – выкрикнул министр внутренних дел Ионел Братиану. – По настоянию России не так давно на конференции в Бресте были признаны ничтожными итоги Берлинского конгресса, на основании которых в состав Румынии входит Северная Добруджа. Нас на это сборище не позвали, и все решили без нас. Но это и понятно – ведь Великие Державы вспоминают о Румынии, только если об нее споткнутся. Удивительно другое – как на такую возмутительную наглую резолюцию согласились французы и англичане? Ведь прежде для них не было более важного дела, чем сдерживание амбиций и так уже беспредельно разросшейся России, и румынское королевство было в этой политике частью барьера, отделяющего этих наглых русских от Балкан.

– Должен вам напомнить, – дребезжащим голосом произнес король, – что амбиции моего кузена Вильгельма в настоящий момент беспокоят политиков в Лондоне и Париже значи-

тельно больше агрессивных планов русской императрицы, и именно поэтому они согласились на денонсацию итогов Берлинского конгресса. Пусть, мол, делает на Балканах все что захочет, лишь бы в решающий момент Российская империя выставила на германский фронт несколько миллионов штыков. В Берлине об этом тоже знают и готовятся к решающей схватке на европейских полях. При этом Румыния и для тех, и для других – далеко не предмет первой необходимости, поэтому военной поддержки вы не дождетесь ни от кого.

Военный министр Алексадру Авереску промолвил:

– Больше всего нас беспокоит, не получится ли так, что, проходя через нашу территорию, русские войска отторгнут у нас эту спорную теперь провинцию, лишив Румынию выхода к морю, и вообще наведут у нас свои порядки, поменяв династию... Ведь Михаил Романов – далеко не последний царский родственник, которому императрица может пожелать приискать свое место под солнцем.

– Все намного серьезнее, господа, – сказал начальник румынского генерального штаба генерал Григоре Грациану. – С момента, когда Михаил Романов, незадолго до того женившийся на сербской принцессе, был избран князем Болгарии, мы, румыны, оказались зажаты между двумя Россиями: Большой и Малой. Поэтому в преддверии неизбежной болгаро-турецкой войны мы начали прорабатывать планы внезапного нападения на Болгарию, как раз тогда, когда все ее силы будут отвлечены на турецком фронте, чтобы принудить это государство к капитуляции и передаче нам провинции Южная Добруджа, а Михаила Романова – к отречению⁴... И если об этих планах стало известно в Санкт-Петербурге, Румынию ждет внезапное нападение фактически изнутри нашей территории, а всех нас – одиночные камеры в Петропавловской крепости и многочасовые допросы у следователей государственной безопасности.

– Господи! – патетически воскликнул король, воздевая руки к небу. – Пожалуйста, разуми этих людей! Они строят планы, которые запросто способны привести нас к войне с сильнейшим из соседей, а их самих – на эшафот, и сообщают об этом своему королю как бы между делом, когда уже ничего нельзя изменить! Южной Добруджи им захотелось и ограничения русского влияния! Я правлю этой страной уже больше сорока лет, но впервые наблюдаю такие яркие образчики ничем не прикрытой человеческой глупости! А я-то все удивлялся, почему русская императрица так настойчива и бескомпромиссна в требованиях о пропуске своих войск через нашу территорию. Ведь в крайнем случае русские контингенты можно было бы перебросить морем, в обход румынской территории, но ей непременно нужно провести войска через наши земли, чтобы попутно открутить ваши глупые головы.

– Так что же нам делать? – недоумевающе спросил председатель Сената Иоан Логовари. – Ведь мы ни в коем случае не можем позволить доступ русской армии на нашу территорию, и в то же время нам не выиграть войну против Российской империи! Она нас просто прихлопнет, и даже не заметит, что тут что-то было...

– Прихлопнет-прихлопнет, не сомневайтесь, – злорадно засмеялся румынский король. – Вы как хотите, а я пас. Передаю всю полноту власти господину Стурдзе и отстраняюсь от дел. О том и отпишу русской императрице. Мол, ваши требования никак выполнить нельзя, но виновен в этом не я, а румынские национал-либеральные политики, которые самовольно наворотили такого, от чего у меня как у короля голова идет кругом. Без меня вы эту комбинацию задумывали, без меня и расхлебывайте. О том я и отпишу русской императрице, после чего удалюсь в свой замок Пелеш. И Северная Добруджа тут по большому счету мелочь; вы, тупо-

⁴ Такой план у румынского командования должен был существовать и перед Балканскими войнами в нашей реальности, иначе оно не смогло бы с такой прытью включиться в скоротечную Вторую Балканскую войну. Из всех ее участников Румыния была единственной страной, не принимавшей участия в Первой Балканской войне и не имевшей отмобилизованной и готовой к бою армии. К тому же румынское нападение стало полной неожиданностью для болгарского командования, не ожидавшего такого вероломства, а это значит, что подготовка к нему проводилась втайне.

головые болваны, поставили под угрозу само существование румынского государства, пустив псу под хвост мои сорокалетние труды!

– Э... – от неожиданности сказал означенный Дмитрию Стурдза, – а что по этому поводу скажет госпожа Мария? Ведь она, как-никак, приходится Романовым довольно близкой родней. Способна русская императрица в случае отказа пропустить ее войска через нашу территорию, объявить на этом основании нам войну и разорить румынское государство?

– Во-первых, я воспитывалась не в России, а в Великобритании, – высокомерно вскинула голову Мария Эдинбургская и Саксен-Кобург-Готская, – а следственно, являюсь коренной британкой, и спрашивать меня о том, что сделают или не сделают русские, просто бессмысленно. Моя двоюродная сестра, напротив, считает себя плоть от плоти и кровь от крови русского народа, и мужа себе выбрала в полном соответствии с этим мироощущением. Зная обычаи и неистовый характер этого человека, можно допустить, что русская императорская чета скорее готова превратить Румынию в грудку развалин, чем отступить хоть на шаг.

– Но как на все это посмотрит британский король и французское правительство, госпожа Мария? – спросил Дмитрию Стурдза. – Неужели им понравится русское своеволие?

Та взглянула на главу национал-либералов почти с жалостью – как на человека, пытающегося избежать неизбежного и не понимающего, что все его уловки нелепы и смешны.

– Что касается возможного благотворного влияния на этих двоих со стороны дядюшки Берти, то я в этом сильно сомневаюсь, – с усмешкой в голосе сказала она. – Мой дядя всегда был прагматичным засранцем, который знал, что плетью обуха не перешибешь, и что если выгода от сделки превышает издержки, на нее следует соглашаться. Очевидно, все вопросы между двумя крупнейшими империями были решены еще во время визита британского королевского семейства в Санкт-Петербург, а на конференции в Бресте достигнутые договоренности оформили в виде документа. Что касается Парижа, то не питайте иллюзий: в русско-британско-французском альянсе это самый младший компаньон, мнение которого имеет значение далеко не по каждому вопросу. Уверена, что Балканский вопрос вообще не входил в круг интересов Брестской конференции, а Румыния – тем более. Дядюшка Кароль сказал правильно: все мысли собравшихся там были заняты кайзером Вильгельмом и обдумыванием того, что следует делать, когда Германия, которой стало тесно в своих границах, пойдет в завоевательный поход на запад и восток, способный привести ее либо к мировому господству, либо в могилу. И что тут значит какая-то Румыния, когда речь идет о существовании или несуществовании главных мировых держав! Если вы планировали заменить дядюшку мною с Фердинандом, то мы тоже пас. Ищите дураков в другом месте. Не так ли, любимый?

«Любимый» промышал нечто невразумительное, изображающее согласие, после чего вопрос был решен. Фердинанд признавал за женой значительно более широкий и глубокий ум, чем у себя. Так же он признавал факт непосредственного родства своей «половины» с сильными мира сего – британскими королями и русскими императорами, – а в монархической картине мира это стоило дорогого.

Когда политиканы, поставленные перед фактом самоустранения короля и его наследника от государственных дел, покинули помещение, принцесса Мария осмотрелась по сторонам, будто кто-то мог спрятаться за занавеской, и со вздохом сказала:

– Теперь наша задача, дядюшка – продержаться до тех пор, как все кончится, и не попасть под горячую руку моей двоюродной сестрицы. Ты бы и в самом деле черкнул ей пару слов о том, что мы тут ни при чем... но только, боюсь, русский фельдегерь никогда не сможет добраться до российской границы. У наших деятелей вполне хватит ума схватить его и убить – хотя бы ради того, чтобы узнать, что ты написал про них русской царице.

– Э, племянница... – дребезжащим смешком засмеялся Кароль, – я тоже не глупее иных многих. И фельдегерь от меня поедет не к российской, а к болгарской границе с посланием новому тамошнему царю, в которое будет вложено письмо к русской государыне, и та получит

его лишь с небольшим опозданием. А господа национал-либералы пусть стараются, ловя черную кошку в темной комнате, тогда как та оттуда уже убежала...

28 июля 1907 года. Вечер. Болгария. София. Площадь Князя Александра I, царский дворец.

Когда люди Ионела Братиану спохватились, что ловить русского фельдегера нужно не на вокзале, а на дороге к болгарской границе, было уже поздно. К рассвету офицер, одетый в штатский «охотничий» костюм, успел доскакать до пограничного городка Джуржу на реке Дунай. Там он показал румынским пограничникам королевские «верительные грамоты», оставил у них отличного жеребца из королевских конюшен, после чего сел на первый рейс парома, который доставил его в болгарский город Русе. И все. В Болгарии фельдегер предъявил свои российские документы военному коменданту приграничной железнодорожной станции, на словах изложил свою диспозицию и вечером того же дня был в Софии, где его уже ждали. Собственно, личность курьера тут не имела значения, гораздо важнее было доставленное им послание.

Прочитав эту депешу, царь Михаил, несмотря на поздний час, вызвал к себе на совещание исполняющего обязанности премьер-министра Александра Малинова, военного министра генерала Георги Вазова, а также свою супругу принцессу Елену и шурина, сербского королевича Георгия. Дополнительным (внештатным) участником этого разговора был оберст Слон: одновременно военный советник из будущего, доверенное лицо, с которым можно не стесняясь обсудить самые скользкие моменты, и специалист по горячим делам, натаскивающий по данному вопросу королевича Георгия.

К началу толковища уже было известно, что в Турции (как, собственно, и в Болгарии) объявлена мобилизация; но если болгары собирались на освободительную войну с радостью, приезжая даже из-за границы, то турки всячески уклонялись от чести повоевать за султана. Когда сераскир Мехмед Реза-паша говорил о двухсоттысячной армии, сосредоточенной во Фракии, он выдавал желаемое за действительное. Находящихся на действительной службе солдат низама имелось всего сорок пять тысяч, остальные были резервистами редифа, которых надо было еще собрать в таборы, обмундировать и вооружить. С оружием тоже выходила задача: если развернуть армию по полным штатам, то вооруженными винтовками в ней окажутся только четверо из пяти аскеров. И к тому же почти половина винтовок — это ужасающий хлам времен прошлой русско-турецкой войны. В свое время, проводя перевооружение, Британия сбросила в Турцию все свои неликвиды из армейских arsenалов. Недаром же султан говорил о саблях и кинжалах как об оружии истинных борцов за веру. То же касалось армии в Македонии, только там под ружьем было шестьдесят тысяч, а остальных еще предстояло мобилизовать на месте из местных турецких поселенцев или перевезти по морю из средиземноморских портов Малой Азии и Леванта.

Однако избиение христиан на подвластных туркам землях все увеличивалось в масштабах — и коснулось не только болгар, проживающих во Фракии и Македонии, но и относительно лояльных греков, армян и прочих народностей христианского вероисповедания, включая население далеких от европейского театра военных действий Сирии, Палестины и Месопотамии. Ответ российской императрицы на эти людоедские призывы был короток и страшен, как лязг извлекаемого из ножен меча. Во имя человеколюбия и спасения погибающих христианских жизней Российская империя объявила Оттоманской Порте войну на уничтожение, и почти сразу за ней последовали официальные демарши Болгарии, Сербии, Черногории и Италии. Черноморский флот вышел в море, блокировал Босфор и прервал морские перевозки вдоль черноморского побережья Малой Азии, а в Средиземном море с теми же намерениями покинули свои базы итальянские крейсера.

Удивляло только затянувшееся молчание Греции и Румынии. Что касается греков, то после преподанного девять лет назад урока война там была непопулярна. Единственный же

политик, способный консолидировать нацию, принц Георг, по несчастливой случайности оказался вторым, а не первым сыном правящего монарха, и в силу этого обстоятельства прозябал на обочине политической жизни, с недавних пор подвизавшись послом Греции во Французской Республике. И теперь все стало ясно – и по поводу потомков цыганских конокрадов. Собственно, удар в спину в нашей истории у них удался потому, что во время подготовки к Балканским войнам для успеха боевых действий – сначала против турок, а потом греков и сербов – с румынской границы были сняты все прикрывающие ее войска. Это и привело болгар к быстрому и печальному концу в так называемой межсоюзнической войне. Вот и сейчас, в соответствии с предварительным планом войны с Турцией, планировалось снять с позиций на румынской границе Третью армию: 4-ю Преславскую, 5-ю Дунайскую и 6-ю Бдинскую дивизии, направив их во Фракию, на направление главного удара. И как раз в тот момент, когда такая передислокация должна было начаться, приходит известие, что румыны готовятся нанести удар в спину болгарской армии.

– И ведь это все из-за тебя, – веско сказал Михаилу оберст Слон, – точнее, и-за твоей принадлежности к Романовым, а еще из-за твоей связи с сербским королевским домом. Именно этот назревающий русско-сербско-болгарский союз – значительно более прочный, чем все наши предшествующие комбинации на Балканах – перепугал румынских бояр до такой степени, что они стали способны на самую крайнюю подлость. Не только Турция приняла отмену итогов Берлинского конгресса на свой счет, но и эти персонажи, европейскими руками отобравшие тогда у Болгарии Северную Добруджу... Знает кошка, чье мясо съела, потому и сходит с ума от страха.

– Никто у нас не бессмертный, и румынские бояре тоже, – сухо сказал царь Михаил. – В полночь истекает ультиматум о беспрепятственном пропуске русских войск через румынскую территорию. Поскольку положительного ответа не ожидается, то с нуля часов приказываю частям третьей армии перейти румынскую границу и начать наступление вглубь вражеской территории, навстречу частям русской Бессарабской армии, которые будут продвигаться от российской границы. Могу вас заверить, что попавшую в такие клещи Румынию ждет быстрый разгром и капитуляция. Еще немаловажный фактор заключается в том, что о запланированном предательском ударе в спину меня предупредил не кто-нибудь, а сам его величество румынский король, которого его бояре-политиканы держали в неведении о запланированной пакости. И только случайно они проговорились о своем замысле после того, как моя сестра потребовала права свободного прохода своей армии через румынскую территорию.

– Но наш план развертывания армии предусматривает переброску третьей армии на Фракийское направление, – возразил Георги Вазов, – а иначе мы не сумеем упредить развертывание турецкой армии, в своем потенциале имеющей значительное численное превосходство.

– Скажите, Георгий Минчевич, – с легкой усмешкой спросил оберст Слон, – а участие двух русских армий в боях на вашей стороне ваш план предусматривает? А всеобщее восстание армян на Южном Кавказе, наступление русских армий на Кавказском фронте в направлении Сирии и Месопотамии и полное удаление турецкого флота из вод Черного моря? Теперь, когда султан дал России повод вмешаться в эту войну всей своей мощью, численное превосходство уже давно не на турецкой стороне.

– И это только начало, – веско добавил царь Михаил, – едва турки придут в себя от ударов со стороны Российской империи, сразу же воспоследуют действия со стороны Италии: блокада королевским флотом Дарданелл с полным прерыванием турецкого судоходства в Средиземном море, а также высадка десантов в Триполитании и Киренаике. Государство дядюшки моей супруги Виктора-Эммануила опоздало к колониальному разделу мира, и теперь из всех сил будет стремиться восполнить это упущение, до костей обглодав труп «больного человека Европы». Так что давайте не будем суетиться, и перед тем, как заняться Турцией, устраним непосредственную угрозу с тыла, тем более что первая и вторая армии, выдвинутые на рубежи

с Фракией и Македонией, вполне справляются с задачей уберечь территорию Болгарии от внезапного вторжения турецких башибузуков.

– О да, – сказал Георгий Вазов, – что есть, то есть. Перекрестный пулеметный огонь из хорошо оборудованных траншей на фракийской равнине творит чудеса. Но одной обороной войны не выигрываются, тем более что турки опять взялись за свой старый обычай истреблять подвластное им христианское население Фракии и Македонии. Дымы пожаров поднимаются над болгарскими селами, христианская кровь рекой течет на пересохшую землю.

Царь Михаил сказал:

– В любом случае, по вашим же планам переход в наступление должен был начаться не раньше, чем через пятнадцать-двадцать от начала мобилизации, когда существующие соединения будут пополнены до полного штата, а также закончится формирование четырех дополнительных дивизий. Пока с того дня, как все началось, минуло только пять дней, и как бы нам ни хотелось поскорее войти и освободить наш страдающий народ, неподготовленное наступление может закончиться катастрофой. Расчистить сухопутный путь снабжения через румынскую территорию для нас сейчас гораздо важнее. А с защитой болгарского населения на турецкой территории пока сносно справляются четыре македоно-одринской организации, которым мы загодя перебрали достаточное количество самого современного оружия, чтобы они с легкостью могли отгонять от болгарских поселений подразделения регулярной турецкой армии. А еще я надеюсь, что присутствующий здесь же господин Малинов выполнил мое распоряжение по оборудованию мест временного размещения для людей, которые из-за боев будут вынуждены покинуть свои дома.

– О да, – ответил главный болгарский демократ, – такие лагеря, пригодные для временного размещения людей, приготовлены. Но что нам делать, если война затянется, наступит зима, и жить в палатках будет уже невозможно?

– К зиме мы должны построить для людей постоянные места размещения, – ответил царь Михаил. – Ведь даже если в силу перевеса сил война окажется скоротечна как удар молнии, многие дома беженцев могут быть разрушены и сожжены, из-за чего просто некуда будет возвращаться. И не спорьте со мной: мы сделаем все именно так, и никак иначе.

Болгарский И.О. премьера и вправду хотел что-то возразить, но осекся, едва успев открыть рот. Брат русской императрицы имел такой вид, что у прожженного демократа сердце уходило в пятки. В гневе царь Михаил был воистину страшен, и в такие моменты на ум профессиональному демократу сразу приходили бесконечные колонны каторжников, бредущих по колено в снегу во глубину сибирских руд.

– И вот еще что, – ледяным голосом добавил новый болгарский монарх, – касаясь вашего предшественника на посту премьер-министра господина Добри Петкова, попавшегося на краже денег из фондов помощи беженцам – я приказал провести в его отношении полное расследование. И если с ним все так плохо, как пишут в газетах, то этого национал-либерального господина вместе со всеми его пособниками публично живьем прокрутят через мясорубку, а фарш скормят собакам. Не для того болгарский народ сделал меня своим царем, чтобы я попускал подобные вещи. Каждый должен понять, что воровать у слабых и убогих – совершенно немыслимое дело, а воровство у государства неизбежно приводит к летальному исходу. Надеюсь, вы меня хорошо поняли, господин Малинов? А если поняли, то идите и не грешите. Если сделаете все как надо, то войдете в историю во вполне положительном ключе – как премьер-министр, в правление которого Болгария обрела истинную территориальную целостность и достигла невиданного процветания. И вы тоже ступайте, Георгий Минчевич, все изменения в диспозиции я вам изложил, теперь ваше дело – довести их до исполнения...

Когда премьер-министр и военный министр вышли, Елена Сербская вздохнула и произнесла:

– Мой дорогой, тебе не кажется, что ты готовишься поступить слишком жестоко с этим господином Петковым? Нельзя ли как-нибудь помягче, ведь верные слуги престола имеют право на некоторое снисхождение к своим слабостям...

– Помягче нельзя, – покачал головой Михаил, – и это первый урок, который нам с Ольгой преподали Павел Павлович и Александр Владимирович. Когда вокруг монарха создается атмосфера вседозволенности, а личности, облеченные его доверием, уверены в своей безнаказанности, что бы они ни натворили, начинает складываться ситуация, в будущем чреватая революциями и всяческими неустройствами. На самом деле в такой жесткости заключается истинный гуманизм. Если тех, кто грешил по мелочи, можно одернуть и на первый раз простить, то чудовищ, способных обкрадывать беженцев, вдов и сирот – то есть людей, по определению обездоленных – следует казнить прилюдно, чтобы и другим было неповадно. Не могут они быть верными слугами престола, ни в каком виде. И чем выше положение такого деятеля, тем свирепее и показательнее должна быть его казнь. Народ должен видеть, что монарх как неподкупный судья стоит на страже его интересов, и с тех, кому много было дано, спрашивает такой же широкой мерой...

– Джорджи, – вздохнула Елена, обращаясь к брату, – так скажи же ты ему...

– Так ты и в самом деле готов приказать провернуть этого несчастного через мясорубку? – пряча улыбку, спросил королевич Георгий. – Не слишком ли это будет, так сказать, «по-турецки»? Быть может, тебе стоит подвергнуть этого типа банальной гражданской казни, лишит прав состояния и всего прочего, а потом банально повесить на древе, будто какого-нибудь Иуду?

– Именно это я и собирался сделать, честное слово, – сказал Михаил, – а про мясорубку сказал только образно, ради красного словца и из озорства, чтобы посмотреть, как красиво пугается этот закоренелый демократ Малинов. Но теперь мне пришла в голову мысль и в самом деле приговорить этого жулика от политики к такой ужасной казни, и лишь в самый последний момент в качестве милости заменить ее на повешенье.

– Лучше не надо, – покачал головой оберст Слон, – вот узнает этот Петков, что ты с ним хочешь сделать, и помрет от страха, не дожидаясь не то что казни, но и самого суда. Он тогда будет жертвой режима, Миша, а ты останешься с несмываемым пятном на репутации. Политическая смерть тут важнее физической, а позор и презрение людей важнее страха смерти. По моему мнению, пожизненная каторга, которую практикует твоя сестра, не подписавшая еще ни одного смертного приговора, для таких персонажей гораздо страшнее банальной петли на шею.

– Вы, господин Рагуленко, очень умный человек, – сказала сербская принцесса, потупив взгляд, – сначала я думала, что вы плохо влияете на моего мужа, но теперь вижу, что это мнение было ошибочным. Иногда вы кажетесь дикарем, который всегда идет напролом, но теперь мне ясно, что это не так.

– Просто я, уважаемая Елена Петровна, в два раза старше вашего Мишеля, – отпаривал Слон, – и видел такое, что не дай Бог никому. Будьте снисходительны к своему супругу, ведь, по сути, он большой мальчишка, и иногда ему хочется похулиганить, хотя бы на словах. Но если это хулиганство перейдет какую-то определенную грань, то мы, его ближайшие друзья – я, Командир, Павел Павлович Одинцов, да его сестрица Ольга – найдем способ сказать ему об этом во вполне определенных выражениях.

– Что есть, то есть, – вздохнул Михаил, – и по большей части я вынужден признавать вашу правоту. Так значит, ты считаешь, что пожизненной каторги в этом деле будет достаточно?

– Не просто достаточно, – хмыкнул Слон, – она будет даже страшнее смертной казни. То есть суд должен приговорить это типа к гражданской казни и повешенью, а ты, Миша, заменишь это приговор на гражданскую казнь и пожизненную каторгу. И пусть знает, что впереди у него не тридцать секунд удушья в петле и все, а целая вечность мучений в наказании за все его прегрешения.

– Ладно, так мы и сделаем, – со вздохом сказал Михаил, – а сейчас меня беспокоит другое. Тебе, Елена, вместе с Джорджи и нашим другом Слоном пора выезжать в Белград, чтобы побудить вашего отца исполнить вторую часть Марлезонского балета. К тому моменту, когда на Фракийском и Македонском фронте начнутся активные боевые действия, ты должна быть сербской королевой и прочно держать в руках вожжи государственной политики. Я, конечно, буду о тебе скучать, но ничего не поделаешь: такова наша с тобой монаршая доля – приносить свои желания в жертву государственным интересам.

– Я тоже буду о тебе скучать, – чуть покраснев, сказала Елена, – но понимаю, что так надо для государственных интересов. Я лишь хочу надеяться, что, даже отправившись на фронт, ты не будешь рисковать понапрасну и не оставишь меня вдовой с новорожденным дитем на руках...

– Джорджи, пойдем, – сказал оберст Слон королевичу Георгию. – Этим двоим сейчас слишком многое надо будет сказать друг другу наедине.

31 июля 1907 года. Полдень. Румыния, Бухарест, Королевский дворец.

Два дня назад, ровно на рассвете двадцать девятого числа, русские и болгарские армии внезапно, без объявления войны и каких-либо переговоров, а также без единого выстрела перешли румынскую границу на всем ее протяжении и двинулись вглубь территории обреченного государства. Одновременно русский Черноморский фронт блокировал Констанцу, которой в ближайшем будущем было суждено оказаться переименованной в Кюстенджи, и высадил в ее порту морской десант. Это были еще не знаменитые головорезы из корпуса морской пехоты князя-консорта (ибо из пушек по воробьям не стреляют), а просто десантные роты с броненосцев и крейсеров, но и такая демонстрация возможностей привела всех сторонних наблюдателей в трепет. А этих наблюдателей в Констанце оказалось немало, особенно на иностранных торговых судах, застрявших в главном румынском порту после того, как Черное море оказалось наглухо закрыто из-за предстоящих боевых действий.

При этом союзники по Балканскому Альянсу: русская императрица Ольга и ее брат, болгарский царь Михаил – издали совместный манифест, объявив в нем, что пошли войной не на честный и работающий румынский народ (*наглая лесьть*), и даже не на румынского короля, который во всей этой истории ни сном, ни духом, а на наглое, жадное и подлое румынское боярство (*истинная правда*), составляющее политический класс нынешней Румынии. У большинства румын после радикальных перемен жизнь не ухудшится, а даже улучшится, а те, что грешили, пусть приготовятся ответить за свои дела и дела своих предков, наворотивших такого, за что им не может быть прощения.

Тут надо заметить, что румынское государство изначально создавалось в виде эдакой боярской республики, к которой в качестве украшающей надстройки прилепили германскую королевскую династию Гогенцоллернов-Зигмариненов, ибо румынские бояре напрочь отказывались воспринимать в качестве верховного главы кого-то из своей среды. Ставка на боярство как на классово близкий элемент делалась в первый период русского владычества – с 1829 по 1834 годы. Бояре были правящим классом в полуавтономных от Турции Дунайских княжествах с 1835 по 1848 годы, когда, подавляя народные восстания, в княжества снова вошли русские войска (в основном для того, чтобы то же самое не сделали турки). Во второй период русского владычества местная румынская аристократия снова была лелеема и любима, и эти же люди возглавили строительство независимой Румынии после того, как русские проиграли свою Восточную (Крымскую) войну и отступили прочь.

И вот этому боярскому раю настал быстрый и беспощадный конец. Пришельцы из будущего, хорошо осведомленные о том, что, даже сменив общественную формацию, румынское государство ничуть не изменит своей сути, настояли перед российской императрицей на самом радикальном способе решения этой проблемы – и теперь русские и болгарские армии стреми-

тельно продвигались вперед, чтобы сломать разделяющий их барьер. Времена танковых рейдов, когда темпы наступления в чистом прорыве могут составлять до ста километров сутки, еще не пришли, но даже без этого румынская армия, плохо вооруженная и не успевшая отмотивироваться, почти не оказывала силам вторжения никакого сопротивления – не только потому, что не могла, а, скорее, оттого, что попросту не желала. Да и чего ради простые солдаты, да и младшие офицеры, будут подставлять свои головы под пули из-за боярских хотелок, когда даже сам король отстранился от дел?

Уже к утру второго дня скоротечной и почти бескровной войны, когда передовые болгарские части полукольцом охватили румынскую столицу, а русская армия практически на всем протяжении форсировала реку Серет, стало очевидно, что румынская лавочка вот-вот закроется на вечный переучет. И вот тогда вся та же публика, уже ощущавшая на своих шеях холод набрасываемых на них пеньковых петель, снова потянулась в королевский дворец за советом.

– Ваше величество, – склонив голову, сказал начальник румынского генерального штаба Григоре Грациану, – наша армия разгромлена, солдаты не хотят сражаться ни с русскими, ни с болгарами, а потому бросают оружие и сдаются им в плен.

– А наши мужики приветствуют русских солдат как своих освободителей! – расстроено воскликнул председатель Сената Иоан Лаговари, – ибо им известно, какие дела творятся в не такой далекой от них Бессарабии.

– Да, это так, – поддержал председателя Сената министр внутренних дел Ионел Братиану, – как мы ни старались вывести эту напасть, все было бесполезно.

На самом деле в Бессарабии ничего особенно выдающегося не творилось: обычные дела для Российской империи. Переселенческая программа, беспроцентные семенные ссуды беднейшим крестьянам, скупка урожая по твердым ценам, конно-машинные станции с твердыми расценками в натуральной форме, а также прочие инициативы императрицы Ольги ужасно раздражали не только местных бессарабских помещиков, которых лишали дешевых батраков, но и их «коллег» пор ту сторону границы. Истошные вопли Пуришкевича в правой прессе были слышны до самого Парижа, и в Бухаресте обсуждались исключительно в разрезе «как хорошо, что Румыния – это не Россия». И даже крестьянское восстание в марте этого года, подавленное с помощью пулеметов, господ Лаговари и им подобные отнесли на счет «тлетворного русского влияния».

Глядя на это сборище, король только тяжело вздохнул. Вроде они и пришли к нему каяться в своих прошлых грехах, просить совета и защиты, но так ничего и не поняли в своем поведении – а значит, этот разговор был бесполезен.

– Когда четыре дня назад вы заявили мне, что мирно пропустить русские войска через нашу территорию совершенно немислимо, то я уступил вам всю полноту власти и отдалился от дел, – сказал король. – Я не понимаю, чего вы еще хотите, господа, ведь все устроилось по вашему хотению? Вы поступили в соответствии со своей сущностью, а русская императрица – в соответствии со своей. И вот теперь выяснилось, что воевать с русской армией – это вам не расстреливать из пулеметов безоружных крестьян. А ведь Румынией занялись, только споткнувшись о ваше упрямство, в противном случае нас бы еще долго не замечали, ибо дел у русских и без того невпроворот. Вот и результат этого упрямства будет печален, и в первую очередь для вас. Поскольку монархи неприкосновенны, то меня отпустят доживать свои дни на родину предков, а вы останетесь наедине с разъяренной русской госбезопасностью. Но такова жизнь, увы.

– Ваше королевское величество, – сказал премьер-министр Димитре Стурдза, – мы считаем, что Румынии нужен мир с Российской империей и Болгарией – и его следует заключить немедленно, пока не стало совсем поздно.

– Ну так заключайте, господин Стурдза, – пожал плечами король, – ведь вы же у нас не только премьер-министр, облеченный всей полнотой власти, но и министр иностранных дел. Кто вам мешает заключить самый лучший мир – хоть с русскими, хоть с кем-либо еще?

– Мы пытались! – вплеснул руками премьер-министр, который одновременно был министром иностранных дел. – Еще позавчера в полдень, когда вторжение только началось, наш посланник⁵ в Вене встретился с русским послом господином Урусовым. Он сообщил этому господину, что мы готовы признать свои ошибки и покаяться, лишь бы прекратилась эта война, после чего русские и болгарские солдаты должны вернуться на свои территории. Ответ, пришедший из Петербурга от самого господина Одинцова, был весьма обескураживающим. Нам предложили без всяких предварительных условий и без задержки сдать на милость победителей – и тогда нас не будут убивать насмерть, потому что российская императрица дала себе слово не подписывать смертных приговоров.

– Ваше королевское величество... – проблеял министр внутренних дел Ионел Братиану, – мы знаем, что двадцать лет назад вы подписали с Бисмарком секретный австро-германо-румынский оборонительный союз. Так почему бы вам сейчас не обратиться к этим странам за военной поддержкой?

– Господин Братиану, – вздохнул король, – война, в которую вы втравили Румынию, идет уже два дня. Для выдвижения ультиматумов Берлином и Веной, а также прочих сдерживающих шагов с их стороны, времени прошло уже достаточно. И почему-то ничего не происходит. Никто никому ничего не предъявляет. И как вы думаете, почему? Я вам отвечу! Ни одна великая держава не пожертвует ради Румынии ни одним солдатом, тем более что даже для Германии это сейчас так не вовремя...

– Но, ваше королевское величество! – воскликнул военный министр Александру Авереску, – почему же Германия не сможет или не захочет прийти к нам на помощь?

Король назидательно ответил:

– А потому, что для выживания своего государства мой родственник, кайзер Вильгельм, должен сначала всеми силами напасть на Францию, разгромить ее даже быстрее, чем в прошлую франко-прусскую войну, и лишь потом разворачивать свою армию против России. И при этом он должен учитывать огромный британский флот, который еще может ударить его в спину. Иного течения событий заключенный на встрече в Бресте антигерманский Альянс не подразумевает. Даже крах Франции не сломает решимости оставшихся союзников сражаться до конца. Если Германия попытается проделать свой план в обратном порядке, то она сразу же увязнет в боях на русском фронте, при том, что французы и англичане будут неумолимо готовить наступление на Берлин с западного направления. Своей подготовкой к будущей войне в Европе русские прямо показывают, что они готовы воевать с врагом годы и, может быть, десятилетия, ибо с территорий, которые могут стать полем боя, заблаговременно убирается все ценное. Самое главное, на восток в рамках переселенческой программы вывозится само население, а взамен там строятся рубежи обороны и прокладываются пути сообщения. Русская императрица, у которой уже имеется вполне определенная репутация, будто специально рассчитывает площадку для будущих сражений, как если бы ожидаемая ею война с Германией должна случиться уже завтра. В таких условиях германские генералы и сами не захотят ввязываться в войну с Российской империей с перспективой получить французской палкой по затылку, и своего кайзера постараются удержать от опрометчивых шагов. А без содействия Германии и Австро-Венгрия будет сидеть тихо. Противостоять в одиночку союзу России, Сербии и Болга-

⁵ В открытых источниках, не залезая в архивы румынского МИДа, нам так и не удалось выяснить, как звали господина, который нес службу главного румынского дипломата в Вене. Увы, время сохранило только имя человека (Е. Маврокодато), который девять лет спустя объявил войну Австро-Венгерской империи от имени румынского правительства.

рии она не в силах. Надеюсь, теперь вам понятно, почему никто и не пошевелится вытаскивать ваши задницы из дерьма, в которое вы залезли с таким всплеском?

– И что же нам, ваше королевское величество, в таком случае следует делать? – с некоторым недоумением и даже обидой спросил премьер-министр Димитре Стурдза. – Мы хотим знать, есть ли у вас какой-нибудь план, чтобы выйти из этого положения...

– А почему вы задаете этот вопрос мне? – удивился король. – Ведь я же передал вашему национал-либеральному правительству всю полноту власти и умыл руки. Вот и делайте теперь хоть что-нибудь, а я посмотрю на это со стороны. Ведь я все-таки смог дать знать русской императрице, что не имею никакого отношения к вашей дурацкой затее, и в итоге меня, хе-хе, не ждет ничего страшнее легкого порицания и остатка жизни, проведенного в родовом поместье.

– Мы бы хотели, чтобы вы, ваше королевское величество, вступили в переговоры от нашего имени для скорейшего прекращения этой злосчастной войны, – сказал Ионел Братиану, – а мы, со своей стороны, обещаем, что не будем вам в этом мешать.

– Да, – подтвердил Иоан Лаговари, – клянемся, больше вы не услышите от нас дурного слова.

– А вы что скажете, господин Стурдза? – обратился король к премьер-министру. – Согласны вы со своими поделщиками или и дальше намерены постоянно возражать своему королю?

– Нет, – опустил глаза долу премьер-министр, – теперь мы видим, что вы были правы, ваше королевское величество, а мы ошибались. Пропусти мы тогда русскую армию без боя – и сейчас нам не пришлось бы испытывать такое большое унижение и просить русскую императрицу о милости...

– Проще выдавить воду из камня, чем жалость из русской царицы, – сказал румынский король. – Бедным и убогим она может сострадать сколько угодно, а вот к вам, господа – таким сытым и гладким – ее сердце будет глухо. Ну да ладно, я вам помогу пострадать за правду, потому что тоже не люблю, когда из меня делают дурака. Охрана! Арестуйте этих господ и держите их под замком до тех пор, пока я не договорюсь с русской императрицей и болгарским царем о почетной капитуляции.

И тут с двух сторон залы, где король принимал членов своего правительства, открылись большие двухстворчатые двери, и внутрь вошли офицеры с автоматическими пистолетами браунинга наизготовку.

– Да, вот так-то, господа! – мелким смехом засмеялся Кароль Первый, глядя на ошеломленных и растерянных национал-либералов. – Попытаться сохранить румынскую государственность в таких условиях можно, только сдав вас всех оптом в кровавые лапы русской государственной безопасности. Иным способом эта задача не решается. Думаю, что дальше нас ждет длительный переходный период, в ходе которого ваших преемников будут перевоспитывать в ту народолюбивую веру, которую исповедует окружение русской императрицы. А может, все будет гораздо жестче, и после того, как я отрекусь, желая отдохнуть на старости лет, мой племянник будет уже не королем, а вассальным князем со всеми вытекающими из этого последствиями. Но вам это будет уже все равно, потому что вы к тому времени будете очень заняты, катая тачку на русской каторге.

2 августа 1907 года, 12:05. Германская империя, Берлин, Королевский (городской) дворец.

Присутствуют:

Кайзер Вильгельм II Гогенцоллерн;

Рейхсканцлер – Бернгард фон Бюлов;

Министр иностранных дел – Генрих фон Чиршки;

Начальник Генштаба – генерал-полковник Хельмут фон Мольтке (младший);
Статс-секретарь военно-морского ведомства адмирал Альфред фон Тирпиц.

Когда та же компания (за исключением посла в Петербурге) собиралась на совещание три месяца назад, то все ее члены (и в первую очередь кайзер) были полны надежд, что Германии удастся избежать худшего. Но теперь эти надежды рухнули в прах. С одной стороны, англо-франко-российский союз, заключенный на конференции в Бресте, четко очертил рамки будущей схватки за мировое господство. С другой стороны – без остатка рассеялись надежды на то, что когда придет час финальной схватки, русская армия окажется неуправляемой, медлительной и неуклюжей. Румынию генерал Плеве разобрал на запчасти в кратчайшие сроки, и сейчас, когда части его пятой Бессарабской армии, свернувшись в походные колонны, продолжают продвигаться на юг, по территории этой еще недавно независимой страны, в болгарских портах (Варне и Бургасе) с причаливших пароходов тысячами сходят русские солдаты.

Мольтке-младший сказал:

– С того момента, когда, вступившись за избиваемых христиан, Российская империя стала непосредственным участником войны на Балканах, у Турции не осталось шансов на более или менее благополучный исход.

– Если бы эта война касалась только Балкан, то было бы полбеда! – воскликнул кайзер. – Русские армии начали наступление на Месопотамию через территорию Северной Персии, где у них по договоренности с англичанами имеется зона влияния, а также продвигаются вдоль берега Черного моря на Кавказе. Мне кажется, что наш добрый друг султан Абдул-Гамид не ожидал от русских варваров такой прыти и немного растерялся.

– Ваш добрый друг тридцать лет морочил вам голову, обещая разрешить постройку железной дороги Стамбул-Багдад-Басра, – напомнил своему доброму кайзеру адмирал Тирпиц, – но, несмотря на потраченные деньги и время, это дело так и не сдвинулось с мертвой точки. Русские за это время построили свой Великий Сибирский Путь, американцы соединили железной дорогой берега двух океанов, и лишь наш проект так и остался на бумаге.

– Все дело в том, что русские и американцы прокладывали дороги по своей территории, – устало заметил Бернгард фон Бюлов, – а мы для постройки своей дороги были вынуждены связаться с турками...

– Постойте, господа, – сказал вдруг адмирал фон Тирпиц, – мне кажется, что мы совсем не о том сейчас говорим, о чем следовало бы. У меня в эти дни такое ощущение, что мы без окриков и понуканий идем куда-то по натопанной тропе, в конце которой нас ждет ловчая яма, чье дно утыкано кольями. Наш курс ведет к опасности, и совсем недавно мы прошли еще один важный поворот по дороге к гибели. А в Петербурге на нас смотрят, считают наши шаги и делают себе пометки, насколько близко мы подошли к краю, от которого у нас уже не может быть возврата. Когда почва под нашими ногами заскользит в пропасть, чем сильнее мы будем барахтаться, тем катастрофичнее будет наше падение.

В ответ на эти слова кайзер зябко передернул плечами.

– Ты так убежденно об этом говорил, мой добрый Альфред, – сказал он, – что у меня даже пошел мороз по коже. У меня тоже присутствует чувство, будто я играю в любительском театре роль в пьесе не самого талантливого автора, и до того момента, когда в меня со стороны благодарной публики должны полететь огрызки яблок и соленые огурцы, осталось совсем немного времени. Даже когда я произношу какую-либо речь, которая должна стать экспромтом и неожиданностью, то порой начинаю ощущать, будто читаю ее с довольно затертого листа бумаги, словно нечто подобное я произносил уже много раз. И я тоже ощущаю, что мы приближаемся к черте, за которой возврата назад уже не будет. И в то же время я понимаю, что прекратить движение и встать на месте тоже означает гибель, потому что тогда то, от чего мы бежим, настигнет нас и сожрет.

– А от чего мы бежим, ваше королевское величество? – спросил статс-секретарь по иностранным делам Генрих фон Чиршки. – Мне, например, положение Германии кажется вполне устойчивым, а в союзе с Австро-Венгрией мы можем попробовать бросить вызов окружившим нас врагам.

– Бросить вызов и победить – это совсем не одно и то же, – сказал Бернгард фон Бюлов. – Наш любимый кайзер и герр Альфред говорят, что у них есть ощущение, что, двигаясь по предначертанному пути, мы совершаем фатальную ошибку. Выиграть войну в складывающейся конфигурации коалиций для Германии нереально.

– Так и есть, – по-солдатски прямо отрубил Мольтке-младший, – даже успех на западном фронте против Франции не гарантирует нам победы над Россией. Даже, напротив, обеспечив себе неуязвимый тыл на Дальнем Востоке и в Сибири, эта страна выглядит так, будто настроилась на новую Столетнюю Войну. А у нас в союзниках Австро-Венгрия, которая не выдержит не то что ста, но и трех лет затяжной изнурительной бойни. Славянам, которые в империи Габсбургов составляют значительную часть населения, эта забава надоест гораздо раньше, и они начнут переходить на сторону русских или просто разбежаться. При этом русская императрица и ее верные клевреты сделали достаточно много, если не все, для победы в той войне еще до ее начала. Во-первых – мы уже потеряли такого союзника как Турция. Зная дерзость и решительность русского князя-консорта, могу предположить, что к тому моменту, когда мы будем готовы начать войну – турецкое государство уже будет окончательно ликвидировано, а Малая Азия, Кавказ, Палестина и прочие территории превратятся в такой же глубокий тыл русских, как и Дальний Восток.

– Вот тут вы полностью правы, мой добрый Хельмут! – воскликнул кайзер. – Пока мы смотрели в другую сторону, Россия украла у нас союзника, и не одного. Мы потеряли не только Турцию: во вражеский стан ушла Италия, экономически больше связанная с Францией, чем с Германией, а политически тяготеющая к славянским государствам на Балканах. Вслед за Россией Италия объявила войну Турции, и я не сомневаюсь, что наживка на крючке была достаточно жирной. Горсти ливийских песков для такого яростного пыла оказалось бы, пожалуй, недостаточно.

Мольтке-младший сказал:

– Впоследствии освободившись от турецкой угрозы с тыла, сербы, черногорцы, итальянцы при поддержке болгар способны так серьезно занять делом империю Габсбургов – например, в случае аннексии ею Боснии и Герцеговины – что какое-то время эта война сможет обходиться без участия русской армии. А та, получив паузу для того, чтобы прибраться на прежних полях сражений, потом сможет нанести удар там, где его никто не ждет...

– Русским совсем не обязательно участвовать в войне против Австрии на официальном уровне, – сказал кайзер Вильгельм, – поскольку императрица Хельга знает, что мы к такому участию отнесемся неодобрительно. Однако у них в обычае, когда офицеры берут отпуск за свой счет и отправляются на войну за счастье какого-либо угнетенного народа. Раньше это была чистейшим образом кустарщина, но полгода назад русская императрица издала закон о добровольческом экспедиционном корпусе, вступая в который, даже Романовы превращаются в частных лиц. Русская царица сможет нагнать в Сербию и Черногорию столько «добровольцев», что император Франц-Иосиф взвывает от ярости, но ничего не сможет поделать, потому что воевать против него будут частные лица, а не русская армия.

– И тогда ваш австро-венгерский друг сам нападет на Российскую империю, – сказал Мольтке-младший, – тем самым втянув нас в войну, которую, как мы видим, будет невозможно выиграть. Ее нельзя было бы выиграть, даже если бы на нашей стороне находились Италия, Турция и даже Япония – настолько несокрушимой глыбой видятся нам русские, и уж тем более мы будем обречены на поражение в том случае, когда вместо союзников у Германии только гири на ногах.

– Шайзе, шайзе, тридцать три раза шайзе! – воскликнул император Вильгельм. – Когда я заглянул в глаза русскому князю-консарту, то увидел там обещание чего-то такого, по сравнению с чем обычная война похожа на детские игры на лужайке.

Мольтке-младший мрачно произнес:

– Когда наша разведка исследовала феномен пришельцев из будущего, она натолкнулась на бытующий среди них пласт преданий, повествующий о некоей священной войне между Германией и Россией, которая в нарушение всех договоров началась с внезапного и вероломного нападения немецкой армии. Такой ход позволил Германии добиться больших успехов на начальном этапе, но в итоге, после многолетней ожесточенной бойни, русские полностью разгромили немецкую армию и взяли штурмом Берлин. С обеих сторон погибло по несколько миллионов человек – не только потому, что военные действия достигли крайнего ожесточения, но и потому, что мы, немцы, на занятых нами территориях начали истреблять русских некомбатантов.

– И вы, мой добрый Гельмут, говорите об этом своему кайзеру только сейчас? – возмутился Вильгельм, – когда уже почти ничего нельзя изменить, а наш друг Франц-Иосиф в любой момент может втянуть нас в безнадежную бойню?

– Прежде чем докладывать, ваше королевское величество, мы должны были все перепроверить, ошибки в этом деле недопустимы, – ответил тот. – И еще мы получили весьма обескураживающий сведения относительно Австро-Венгерской империи, которой и предстоит стать причиной развязывания мировой бойни. В будущем лоскутного одеяла в Европе просто нет. Оно распалось на составляющие элементы в результате той войны, почти сразу после смерти старика Франца-Иосифа, и почти никто не выступил в его защиту. Все мы смертны, но если твоя смерть ведет к разрушению государства, то об этом следует призадуматься.

– С таким партнером по коалиции, который и сам вот-вот издаст дух по естественным причинам, Германия обречена на поражение и разгром, – убежденно сказал адмирал Тирпиц. – И в то же время следует понимать, что это наш единственный возможный союзник, и другого нам никто не даст.

– Должен признаться, – сказал кайзер, – что когда я заглядывал в глаза русскому князю-консарту, то видел в них ненависть именно такого, экзистенциального типа. Русские из будущего, составляющие костяк окружения императрицы Ольги, считают, что мы представляем угрозу самому существованию их государства и народа, и если не кривить душой, придется признать, что это именно так. Нас, немцев, уже достаточно давно преследует проблема нехватки необходимого нам жизненного пространства, и захватом колоний в жарких странах ее не решить. Наши подданные не хотят ехать жить вместе с неграми и азиатами, им подавай прохладный европейский климат и бледнокожих аборигенов. Конечно, мы можем завоевать Францию, но это небольшая и весьма плотно заселенная страна с небольшим резервом жизненного пространства. И в то же время на востоке, где свободного жизненного пространства предостаточно, нам дали понять, что в случае попытки завоевания немцы не обретут на той земле ничего, кроме братских могил, где пятеро будут лежать под одним крестом. Решение проблемы lebensраума через убийство на войне лишних людей нас не устраивает, потому что так можно лишиться самой патриотичной, деятельной и храброй части нашего народа. На войне лучшие всегда гибнут первыми. Русская императрица Хельга говорит, что тамошнее жизненное пространство предназначено только для тех немцев, кто способен приехать с намерением мирно поселиться на пустующих землях, жить, сражаться и размножаться во славу великого русского государства, которое от притока организующей немецкой закваски станет подниматься как на дрожжах. Немцам в России при таком повороте событий место есть, а вот немецкому государству и его кайзеру – уже нет. И это нас тоже не устраивает...

– Войну с Россией, как бы благоприятно она ни началась, выиграть невозможно, а проиграть легко, – сказал адмирал Тирпиц. – Если агенты нашего милейшего Гельмута говорят,

что там, в другом мире, русские разгромили германскую армию и ворвались в Берлин, выиграв свою войну за выживание, то, значит, так оно и было. И в этот раз, если мы пойдем по тому же пути, будет так же, если не хуже, потому что я уверен, что нам не удастся застать врасплох ни господина Новикова, ни господина Одинцова, ни их госпожу и ученицу императрицу Хельгу. Такие уж это злые и недоверчивые люди. В поисках приемлемого для европейцев жизненного пространства нам будет проще завоевать Аргентину с Парагваем, где проживают bestолковые потомки испанских конквистадоров и не менее bestолковые потомки индейцев...

– А вот эта мысль не лишена здравого зерна, – сказал кайзер. – Это даже интереснее, чем пытаться оспорить африканские владения Франции. Но тогда мы возвращаемся к тому, что для того, чтобы завоевать хоть что-нибудь в Южной Америке, нам нужен мощный флот и много-много транспортных кораблей, которых у нас пока нет. Все наши ресурсы уходят в усиление армии, которая, согласно последним веяниям, должна быть способна противостоять сразу Франции и России, а также в строительство линейного флота в противовес Британии. И это при том, что Россия за счет знаний пришельцев из будущего и своего огромного потенциала усиливается быстрее, чем кто-нибудь себе способен вообразить. Мой добрый Альфред уже говорил, что нас будто затягивает течением в воронку водоворота, выходом из которой может быть только заранее проигранная война на два фронта. И даже на один фронт воевать с империей императрицы Хельги – занятие безнадежное.

– В таком случае, – внимательно оглядев собравшихся, сказал Бернгард фон Бюлов, – нам первым делом необходимо разорвать замкнутый круг, толкающий нас в неминуемую бойню. При этом нам следует помнить, что каждый из наших противников ставит перед будущей общеевропейской войной свои цели. Франция желает отобрать у нас Эльзас и Лотарингию, а также отомстить за поражение сорокалетней давности. Британия ставит своей целью разгромить державу, которая стала ее конкурентом по вывозу промышленных товаров. И только русские готовы отражать вторжение иноземных завоевателей и сражаться за существование своего государства. Из всех наших противников грядущая война не нужна только России, и этим надо воспользоваться.

– Но как же тогда относиться к действиям русских на Балканах и Кавказе? – спросил Генрих фон Чиршки. – Ведь то, что сейчас там делает императрица Хельга и ее верные клеветы – ярчайший пример агрессивной интервенционистской политики.

– На Балканах и Кавказе русские защищают христиан от магометан, – сказал Бернгард фон Бюлов, – и к этой их политике должен присоединиться каждый настоящий европеец. Но нас должно интересовать только то, что императрица Хельга не желает отторжения в свою пользу германских земель, а только восстанавливает справедливость там, где она была нарушена – например, решениями Парижского и Берлинского конгрессов. Как говорил Бисмарк, русские всегда приходят за своими деньгами, но им почти никогда не надо ничего чужого.

– Ладно, Бернгард, – махнул рукой кайзер, – говорите, что вы предлагаете, и давайте закончим с этой говорильней, которая стала напоминать бесконечные переливания из пустого в порожнее.

– Я предлагаю выйти из режима усиления враждебности с Россией, – ответил канцлер Германской империи, – а в перспективе – присоединиться к Брестскому договору, превратив его из антигерманского альянса в систему поддержания общеевропейского мира. Тогда Франция и Британия останутся в дураках, а мы получим возможность для развития экспансии за пределами европейского континента, где и в самом деле стало несколько тесновато.

– А что по этому вопросу скажет австро-венгерский император Франц-Иосиф? – спросил Генрих фон Чиршки. – Ведь он, как-никак, наш союзник и настроен очень антироссийски.

– Франц-Иосиф стар и может умереть в любой момент, – ответил Бернгард фон Бюлов, – при этом его наследник придерживается на политику прямо противоположной точки зрения, и с ним мы вполне сможем договориться по вопросу мирного сосуществования с Россией. А

если Франц-Иосиф не захочет вовремя умирать, мы можем его поторопить. А как же иначе, если этого потребуют интересы Германской империи...

– Это интересная мысль! – восторженно воскликнул кайзер Вильгельм, – но ее следует хранить в глубочайшей тайне – никто не должен понять, что цели и задачи Германии на среднесрочный период уже необратимо изменились. Так нам будет проще проводить новую политику и морочить голову врагам. Вы, мой добрый Генрих, должны выступить с заявлением от имени Германской империи, что всячески осуждаете зверства турецких властей против мирных христиан, а вы, мой добрый Альфред (*фон Тирпиц*) пошлите в Средиземное море несколько канонерок и крейсеров, чтобы они пушечным огнем поучили дикарей хорошим манерам. Но главное я возьму на себя. Лично поеду в Петербург и попробую поговорить как с кузиной Хельгой, так и с канцлером Оudinцовым. Князь-консорт сейчас на войне, но это и хорошо. Не хочу встречаться с человеком, от которого не знаешь, что и ждать: то ли удара кулаком в морду, то ли пули в голову.

3 августа 1907 года, вечер, Австро-Венгерская империя, Вена, замок Шёнбрунн. Император австрийский, король венгерский и прочая, прочая, прочая Франц-Иосиф Первый (77 лет).

Нота германского МИДа «в защиту христианских народов Османской Порты» прозвучала для венских деятелей неприятным диссонансом, будто гвоздем провели по стеклу. Франц-Иосиф и его присные, грешным делом, ожидали, что Берлин осудит всю эту русскую затею, и в первую очередь скоротечный разгром Румынии. Но в заявлении Генриха фон Чиршки о Румынии и румынах не прозвучало ни полслова, зато все оно, от начала и до конца, оказалось посвящено зверствам религиозных фанатиков-изуверов над мирным христианским населением изначально турецких земель. На фоне этой речи фактически незамеченным осталось сообщение, что новейший броненосный крейсер «Шарнгорст», еще проходящий цикл испытаний перед окончательной приемкой в состав флота, но уже с полностью сформированной командой, возглавил германский крейсерский отряд, направляемый с миссией спасения к берегам Турции.

Императору Францу-Иосифу были глубоко безразличны как турецкие христиане, так и тамошние же религиозные фанатики, но, выступая в защиту первых и осуждая вторых, германский МИД как бы солидаризировался с политикой Санкт-Петербурга, а не Вены. Такие заявления могли предвещать утрату интереса Берлина к альянсу с Веной, а также последующие тектонические сдвиги в германской внешней политике, сулящие австро-венгерскому императору весьма неприятные последствия. Маневры берлинских политиков могли означать все что угодно, вплоть до разрыва австро-германского союза...

Чтобы получить разъяснения и обсудить ситуацию и возможные решения, Франц-Иосиф вызвал к себе министра иностранных дел Алоиза фон Эренталя. А тот до своего господина взял и попросту не доехал. В середине пути, когда карета министра только проехала мимо вокзала Вестбанкхоф, прогремел чудовищный взрыв, от которого во всех окрестных домах со звоном повывлетали стекла. Исходя из предварительного рапорта полиции, мощный заряд взрывчатки был заранее заложен под днище кареты и приведен в действие неизвестным современной науке способом. Самого министра разорвало в клочья, кучер получил тяжелые ранения, форейтор (верховой на упряжке цугом) был контужен, а слуга на запятках оказался мертв, несмотря на то, что на его теле нашлось всего несколько царапин.

Впрочем, нечто подобное было ожидаемо. Незадолго до этого стало известно, что после получения сведений о причастности министра иностранных дел к заговору по устранению русской императрицы и ее приближенных российская госбезопасность включила господина Эренталя в список персон, подлежащих устранению насильственными способами, наравне с боевиками экстремистских организаций. Так сказать, в соответствии с принципом «как аукнется,

так и откликнется». Так что император даже повелел своему верному слуге носить противопульный панцирь, а его карету изнутри дополнительно обшили стальными листами для защиты от револьверных пуль. Но ни панцирь, ни эрзацблindирование господина Эренталя не спасли. И теперь Австро-Венгрии был нужен новый министр иностранных дел, а императору Францу-Иосифу следовало понять, что ему делать теперь, когда грубая игра перестала идти в одни ворота.

Будучи всерьез озабоченным сложившейся ситуацией, престарелый владыка Австро-Венгрии вызвал в Шенбруннский дворец своего наследника Франца Фердинанда, а также его верную креатуру генерал-полковника Франца Конрада фон Хётцендорфа (грубая игра – как раз по его части). Помимо этого, из Петербурга для консультаций был отозван посол Австро-Венгрии Леопольд фон Берхтольд – не очень умный, но беспринципный мерзавец, которого Франц-Иосиф прочил на место покойника. Но тому ехать несколько дней, и пока было неизвестно, каковой будет обстановка к его прибытию в Вену.

– Итак, господа, – шамкающим голосом сказал император, в упор глядя на своего наследника, – положение вокруг нашей империи сложилось просто угрожающее. Русские начали свою войну против Османской империи, помешать которой мы никак не можем; Германия совершает в их сторону непонятные демарши, и как раз в этот момент боевики предположительно русской имперской безопасности с особым цинизмом убили нашего верного слугу Алоиза фон Эренталя.

– А вы бы, дядюшка, предпочли, чтобы убили вас самого? – так же прямо глядя на императора, ответил эрцгерцог Франц Фердинанд. – Но, к вашему счастью, в Санкт-Петербурге еще помнят о том, что жизнь Помазанника Божия неприкосновенна. А вот вы об этом позабыли, а иначе сразу бы одернули вашего верного слугу, когда он предложил вам убить русскую императрицу.

Франц-Иосиф не выдержал этого прямого взгляда и отвел глаза. Первый раз он ответил презлейшим на предобрейшее еще прадеду русской императрицы, и с тех пор такой образ действий вошел у него в привычку. Как смели эти славянские варвары построить державу даже более великую, чем Двуетная Монархия? Почему именно им Господь даровал просторы, в сравнении с которыми любые империи прошлого и настоящего кажутся мелкими крестьянскими наделами? Как могли они унижить его самого – тем, что вытащили его задницу из крайне неприятной ситуации, когда он сам не был хозяином в своей стране, а взбесившийся плебс грозил свергнуть его с престола и отрубить голову, как водится в таких случаях? За что ему вообще суждены такие муки – наблюдать торжество тех, кого он ненавидит всеми фибрами своей меленькой души?

А наследник престола, поняв, что дядюшка дрогнул и не смеет возразить, перевел взгляд на генерал-полковника Франца Конрада фон Хётцендорфа и сказал:

– Мой дорогой друг, мне кажется, что раз уж у нас пошла такая грубая игра, расследование этого убийства следует поручить военной контрразведке: ее возможности выяснить истину значительно превышают средства, имеющиеся в распоряжении обычной уголовной полиции.

– Это ты неплохо придумал, мой дорогой племянник! – воскликнул австро-венгерский император, довольный тем, что ему перестали задавать неудобные вопросы. – Разумеется, мой дорогой Франц, прикажите, чтобы смерть господина фон Эренталя была расследована с максимальным тщанием.

– Будет сделано, ваше апостолическое величество, – склонил голову перед своим монархом генерал-полковник Франц Конрад фон Хётцендорф, – я лично проинструктирую наше молодое дарование полковника Редля, чтобы он отнесся к этому делу со всей серьезностью.

– Вот и прекрасно, – облегченно вздохнул старый император. – А теперь, господа, когда мы покончили с этим неприятным делом, я хотел бы знать ваше мнение и по поводу того, что нам необходимо предпринять по причине неожиданно предательского поведения нашего гер-

манского союзника. С чего это вообще кайзеру Вильгельму вздумалось заигрывать с Санкт-Петербургом, да еще в тот момент, когда русские собираются разгромить нашего потенциального союзника? Он что, забыл, как ему в России пригрозили то ли простонародно набить морду, то ли пристрелить – лишь за то, что он позволил себе в присутствии их императрицы одну из своих плоских казарменных шуточек?

– Ничего неожиданного, ваше апостолическое величество, в этом поведении германского кайзера нет! – с солдатской прямоотой рубанул Конрад фон Хётцендорф. – Нечто подобное можно было предвидеть еще тогда, когда мы получили предупреждение, что отныне Германия считает наш союз чисто оборонительным. С той поры нам следовало знать, что наш союзник не начнет боевых действий против России, если наша империя сама объявит войну этому государству или начнет против него боевые действия без объявления войны. И личные обиды и переживания германского монарха тут ни при чем. С некоторых пор самым большим страхом кайзера Вильгельма и его генералов стала ситуация, при которой они оказывались втянуты в войну с Российской империей помимо собственной воли и исключительно из желания вашего величества нагадить русским. Сейчас уже всем известно, что русские готовятся к продолжительной затяжной войне в глубине своей территории, а недавно стало ясно, что они всерьез рассчитывают ее выиграть, даже если Франция будет разгромлена первым же германским ударом. Даже падение Парижа может не выбить Францию из войны, при том, что желание сражаться дальше найдет поддержку у союзников, а прибывающие из колоний воинские контингенты заменят в строю потери первых сражений. В настоящей затяжной войне на истощение, когда Германия и Австро-Венгрия будут в кольце блокады, а их противники сохраняют возможность торговать со всем миром, победа Центральных держав оказывается невозможной в ПРИНЦИПЕ. Такого исхода для своей державы кайзер Вильгельм не желает, и поэтому ищет возможность избежать столкновения с императрицей Ольгой. Отсюда его сердитые окрики в нашу сторону и реверансы в направлении Санкт-Петербурга...

– Думаю, вы правы, – согласился с начальником Генерального Штаба эрцгерцог Франц-Фердинанд. – Кайзер Вильгельм наивно считает, что если сейчас он умильно улыбнется и в дальнейшем пообещает быть пайнкой, то русские ему сразу все забудут и простят, выйдут из союза с Францией и Англией и заключат такой же союз с Германией. Но это все напрасные мечтания. Несмотря ни на какие улыбки, русские будут видеть в Германии угрозу существованию своего государства, и поэтому примут все меры для ее устранения. Не исключено, что ценой за примирение будут не только Эльзас и Лотарингия, отторгнутые у Германии в сторону Франции, но и Восточная Пруссия, за счет которой Россия рассчитывает округлить свои владения в Европе... Ну а также отказ от любой активной внешней политики – то есть все то, что в Петербурге, Париже и Лондоне рассчитывают обрести по итогам войны. И чем дальше, тем больше сил будут набирать противники Германии и Австро-Венгрии, а мы, стиснутые со всех сторон врагами, будем лишь слабеть.

– Я вас понял, господа, – прикрыв глаза, произнес император Франц-Иосиф, – и должен сказать, что весьма опечален нарисованной вами безрадостной картиной...

В сердцах Франц Конрад фон Хётцендорф сказал:

– Говорил же я вам, ваше апостолическое величество, что превентивную войну против Сербии и Черногории нужно было начинать раньше, еще в третьем году, когда сербские головорезы жестоко убили весьма позитивно настроенного к нам короля Александра Обреновича. Начнись всеобщая европейская война тогда – и мы вышли бы из нее победителями, тем более что старый русский император Николай отнюдь не проявлял таких волевых качеств, как его сестра, а его окружение составляли люди, далекие от гениальности.

– Тогда мы думали, что у нас еще есть время и возможности добиться того же, не ставя на кон существование нашей державы... – вздохнул престарелый император, – тем более что Россия под властью такого государя, как Николай, неуклонно слабела. Но теперь нужно понять,

что нам делать в нынешней ситуации. Покойный Алоис имел план по итогам разгрома Турции сразу же объявить о присоединении к нашим владениям земель Боснии и Герцеговины...

– Не думаю, что это хорошая идея, дядюшка, – покачал головой наследник престола, – на этих землях живет так много сербов, что нас заставят выплюнуть их вместе с зубами. Русские найдут способ, не объявляя войны, так накачать балканских славян всем необходимым, что наша регулярная армия с ними не справится. Вы разве забыли, что теперь Россия, Болгария, Сербия и Черногория – это одно большой семейное предприятие, на паях принадлежащее Романовым, Карагеоргиевичам и немного старому плуту Николе Черногорскому? Одного только нового болгарского царя Михаила достаточно, чтобы понять, кто отныне в доме хозяин. Теперь, когда дрогнула даже Германия, наша участь – шаг за шагом отступать под внешним давлением, уступая врагу один рубеж за другим.

Франц Конрад фон Хётцендорф буркнул:

– Могу пообещать, что как только русские и их союзники закончат с расчленением Османской империи, мы получим от Сербии ультиматум немедленно прекратить оккупацию Санджака, Боснии и Герцеговины. И тогда либо мы сделаем очередной шаг назад, либо окажемся втянуты в безнадежную войну, в которой, исходя из новых условий, не сумеем победить.

– А вот от вас я подобных заявлений совсем не ожидал, – прошамкал Франц-Иосиф. – Вы же у нас были воинственным оптимистом, сторонником превентивной войны на все четыре стороны сразу – и вдруг такое пораженческое настроение...

– Я, может быть, оптимист, но не дурак, – сказал начальник имперского генштаба. – Победить в превентивной войне мы могли только в том случае, если бы к воплям избиваемых сербов и черногорцев не прислушались в Санкт-Петербурге, а где-то на фланге кампании грозовой тучей висела бы Османская империя, жаждущая отомстить русским за былые унижения. Теперь же картина вывернута наизнанку. Когда русские и болгарские армии сосредоточатся в Болгарии, Турция рухнет, чтобы больше никогда не подняться, и стая псов, почуяв легкую добычу, будет рвать ее со всех сторон, пока от Больного Человека Европы не останется ничего. Что мы сможем сделать в таких условиях, если от противостояния с Россией отказалась даже Германия?

– Не стоит забывать и о том, что наше государство, раздираемое непреодолимыми внутренними противоречиями, неуклонно слабеет, – сказал Франц Фердинанд. – Немцы тянут в одну сторону, мадьяры в другую, а разнообразные славяне – в третью. И если кроаты (хорваты) нам вполне лояльны, чехи – себе на уме, то остальные, включая трансильванских румын, желают жить в своих маленьких государствах. Недаром же нас называют «лоскутным одеялом Европы», намекая на то, что ни одна из наших наций не способна взять на себя руководящую и направляющую роль – и весь этот хаос скрепляется только династией Габсбургов, которая сама в далеко не лучшем состоянии...

Тут Франц-Иосиф взвился на дыбы, даже седые бакенбарды встали торчком.

– Если ты, мой племянничек, намекаешь на то, чтобы я снял свой запрет наследовать трон твоим незаконнорожденным потомкам, то не дожدهшься! – прошипел он. – Твой брак к этой славянской штучкой Софьей Хотек был, есть и будет оставаться морганатическим, а ваши общие отпрыски – безродными ублюдками, чего бы ты там себе ни навоображал на эту тему! И имей в виду – мне известно и о твоих завиральных идеях по реформированию нашей Империи – и вот что я тебе хочу сказать... Вот помру или меня прихлопнут как беднягу Алоиса – тогда и делай все что захочешь, а пока я жив, не смей даже мечтать о подобном. Это говорю тебя я, император Франц-Иосиф!

В воздухе повисла тишина. Франц Фердинанд начал вставать из-за стола, как бы показывая, что разговор окончен, а генерал-полковник Франц Конрад фон Хётцендорф постарался сделать вид, будто его тут нет. И тут старик Прогулкин (прозвище Франца-Иосифа среди чехов) понял, что сгоряча и в раздражении наговорил лишнего, да еще и при посторонних. При всех

своих недостатках его нынешний наследник все же умен и способен хотя бы попытаться спасти империю, в то время как два других «запасных варианта» выглядят хуже некуда. Любой из тех двоих, доведись ему стать императором, развалит Двуетдиную монархию с такой скоростью, что и глазом никто моргнуть не успеет. Уж лучше и в самом деле признать право эрцгерцога Франца Фердинанда вступать в брак по своему усмотрению, ведь все же не на дочери конюха он женился, а на графине, чья родословная длиннее, чем у любой породистой собаки.

– Впрочем, племянничек, в чем-то ты, возможно, прав, – значительно более спокойным голосом сказал австро-венгерский император. – А посему – съезди ка ты в Санкт-Петербург и попробуй на месте разобраться с этой русской загадкой. Немного времени на это, я думаю, у нас еще есть. Ты у нас молодой, прогрессивный и со всех сторон красивый, поэтому в разговоре с господами из будущего тебе и карты в руки. И супругу с собой прихвати, а иначе это будет просто неприлично. Пусть твоя Софочка, хе-хе, прогуляется по петербургским дамским магазинам, заглянет в мастерскую к господину Фаберже: говорят, что для таких, как она, это место – филиалрая на земле... А счета, так и быть, пусть пришлют мне... Я все оплачу.

5 августа 1907 года, 12:35. Санкт-Петербургская губерния, Гатчина, Большой дворец, рабочий кабинет Канцлера Российской Империи.

Этот Совет проходил в самом узком кругу из всех возможных: императрица Ольга, ее статс-дама и сердечная подруга Дарья Одинцова-Спиридонова, а также канцлер империи Павел Павлович Одинцов. Прочие люди, причастные к тайнам, либо находились в отъезде, либо не имели к обсуждаемому вопросу никакого отношения. А вопросом, вынудившим молодую императрицу искать совета, были внезапные, и к тому же совпадающие по времени визиты в Петербург германского кайзера и австро-венгерского наследника престола – будто обоим этим деятелям, что называется, приспичило.

Усаживаясь в кресло, императрица сказала:

– Понимаешь, Павел Павлович, я была просто в недоумении, когда сначала дядюшка Вилли известил меня телеграммой о своем внезапно прорезавшемся желании поговорить с глазу на глаз, а потом подобное сообщение пришло и от наследника австро-венгерского престола, печально известного в вашем мире эрцгерцога Франца Фердинанда. И оба приезжают восьмого числа, в день начала генерального наступления в Болгарии. Причем австрийский наследник прибывает к нам вместе с супругой и малолетними детьми.

– Мы предполагали, что нечто подобное случится после того, как мы покончим с Турцией и развернемся в сторону Европы, – сказал канцлер. – Но деятели, обеспокоенные текущим положением дел, заторопились к нам уже сейчас. Будь это у нас в двадцать первом веке, я бы сказал, что эти двое едут в Россию, чтобы высказать от лица мирового правительства решительное «фи», а также потребовать немедленного изменения политики. Но тут на сто лет раньше: политики еще прекрасно понимают, где расположены буйки, за которые не стоит заплывать, а ваш дядюшка, при всех его недостатках, человек абсолютно самостоятельный, не то что наши тамошние политически пигмеи, и не станет выступать от чьего-то коллективного имени. Кроме того, он должен прекрасно понимать, что с момента подписания Брестских соглашений в Европе сложилась новая геополитическая реальность, и с этим необходимо считаться.

– Думаю, он это понимает, – сказала Ольга. – И это понимание только добавляет ему решимости переговорить со мной с глазу на глаз, пока Сашка находится на войне. Предыдущая их встреча прошла в обстановке, далекой от сердечной теплоты.

Стоявшая за креслом императрицы Дарья сказала:

– Если кайзер Вильгельм по-прежнему одержим суицидальными желаниями, то я смогу пристрелить его ничуть не хуже, чем Александр Владимирович. Вот только морду я ему набить не смогу, наше высшее общество такого афронта не поймет.

Канцлер Одинцов усмехнулся и сказал:

– Представляю себе заголовки газет: «Кайзера Германии избили в Гатчинском дворце и выставили вон, будто какого-то забулдыгу!»

– Прекратите меня смешить! – простонала Ольга, прикрывая рот рукой. – Сашка, когда собирался набить дяде Вилли его наглуую морду, был абсолютно серьезен, и только это спасло нас от дипломатического скандала. Вы же превращаете эту историю в какую-то комедию.

– Напротив, мы с Дарьей Михайловной абсолютно серьезны, – сказал канцлер. – На самом деле причина, по которой кайзер так стремительно собрался в Россию, далека от проявления мазохистских и суицидальных наклонностей. Очевидно, кайзеру Вильгельму и его ближайшему окружению, в котором пока еще есть умные люди, стал очевиден тот факт, что нынешняя политическая конфигурация в Европе неизбежно грозит Германии полным разгромом – если не после «первого листопада», так после трех-четырёх лет затяжной войны на истощение. Февральская революция в России была явлением случайным, по большей части спровоцированным безалаберной политикой вашего брата, а вот случившиеся полтора годами позднее события в Германии произошли вполне закономерно...

– Погодите, Павел Павлович, – сказала Ольга, – насколько я помню, германский генштаб и его гений фельдмаршал Шлиффен рассчитывают на то, что грядущая война будет стремительной, в духе короля Фридриха Великого и этого вашего, как его там, Гитлера. При таких планах грядущий крах Германии как раз таки не очевиден. Месяц войны на Западном фронте...

– И последующая затяжная война неограниченной длительности против России, – сказала своей подруге-императрице Дарья Одинцова. – Наши умники из СИБ аккуратно слили своим немецким коллегам некоторые моменты из нашей Великой Отечественной Войны. Да и готовимся мы напоказ все к тому же – не к стремительным операциям, которые в два хода выведут нас в дамки, а к ожесточенной многолетней боине на естественных оборонительных рубежах...

– Второй Рейх фатально зависит от импорта продовольствия и кайзер Вильгельм об этом знает, – сказал канцлер Одинцов. – В отличие от некоторых политиканов, он действительно думает об интересах того народа, который дан ему в кормление. Там, в нашей истории, после того как на сторону Антанты перешли Италия и Румыния, Второй рейх оказался в блокаде, вызвавшей в нем состояние перманентного управляемого голода. И это при том, что в Австро-Венгрии голод был неуправляемым, ибо там не предпринимались меры по беспощадному нормированию всего и вся. Здесь, у нас, контуры будущего блокадного кольца вокруг Центральных держав видны уже сейчас. Румыния сокрушена, Италия изначально находится на нашей стороне, а снабжать Германию продовольствием через страны Скандинавии не дадут англичане, которые сразу могут установить лимиты морской блокады: чего и сколько Швеция и Норвегия могут ввести для собственных нужд, и ни граммом больше. Там, в нашем прошлом, союзные соглашения в Антанте были составлены так, что Британия соблазняла немцев вступить в войну при том, что она сама оставалась бы нейтральной. И только нарушение германской армией нейтралитета Бельгии расставило все точки над «и». Здесь, у нас, благодаря вашему старому учителю, конфигурация будущей схватки настолько вульгарно недвусмысленна, что вашему дядюшке сразу стала очевидна глубина той задницы, в которую он может попасть, если продолжит прежнюю политику...

Императрица с недоумением произнесла:

– Так я не поняла: настаивая именно на таком тексте Брестских соглашений, вы имели в виду максимально быстрый разгром Германии или возможность вовсе избежать войны, заранее лишив противника уверенности в своих силах? И зачем же нам тогда готовиться к затяжной войне, которая, скорее всего, теперь никогда и не произойдет?

– Лучше подготовиться к затяжной войне и выиграть ее в два касания, чем наоборот, – сказала Дарья Одинцова. – Можешь поверить в этом мне как специалисту.

– Именно так, Ольга, – тихим голосом подтвердил канцлер, – если бы мы не вели такую бурную подготовку, ваш дядюшка Вилли ни за что не догадался бы, что это мы все всерьез. К тому же мы заранее приняли меры, чтобы с первого до последнего дня войны сохранить транспортные коммуникации с союзниками, а врага загнать в полную блокаду. Хотя я уже говорил, что по-настоящему к затяжной войне нам подготовиться не дадут...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.